

5 (5) МА (С) 155 (С) 120

ШЧАБ

П Е Т Е Р Г О Ф

А. ШЕМАНСКИЙ и С. ГЕЙЧЕНКО

ИСТОРИКО-БЫТОВОЙ МУЗЕЙ

XVIII ВЕКА

БОЛЬШОЙ ДВОРЕЦ

О Г И З — И З О Г И З

Москва 1931 Ленинград

Ш46

131-46
Д-р А. ШЕМАНСКИЙ и С. ГЕЙЧЕНКО
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ
Иванов 19
АКСЕЛОВ

ИЗ КНИГ
С.Н. Григорова

ИСТОРИКО-БЫТОВОЙ МУЗЕЙ XVIII В. В ПЕТЕРГОФЕ БОЛЬШОЙ ДВОРЕЦ

Второе издание.

На стр. 19; первая строка сверху следует читать вместо „**власти** внутри страны“ — „**вли- яния** внутри страны“.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ
МОСКВА 1931 ЛЕНИНГРАД

БИБЛИОТЕКА
Н. М.
№ 1781

ОБВЕРЖЕНО

13 НОЯ 2009

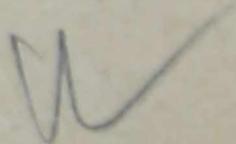
Изогиз № 811 Р. 8—муз.

Ленинградский Областлит № 9624

Тир. 10.000—3 л.

Зак. № 250

Государств. типография им. Ивана Федорова, Ленинград, Звенигородская, 11

Предисловие к первому изданию

Большой петергофский дворец подвергся музейной обработке в 1928 году. Развернутая в нем выставка по теме „Социально-политический смысл дворцового быта“, за исключением расширяемого в этом году отдела „церковь и самодержавие“, не выходит за пределы XVIII в. Причина этого в том, что история памятника достаточно исследована пока только в границах этой эпохи.

Подготовительная к выставке работа велась научным персоналом Музея по ряду неопубликованных материалов, хранящихся в Ленинградском и Московском отделениях Центрархива. Из этих материалов наибольшую помощь оказали три источника: 1) архив бывш. петергофского дворцового правления, 2) архив гоф-интендантской конторы и 3) архив „Кабинета Петра I“.

В настоящее время Музеем наряду с выполнением других экспозиционных задач ведется дальнейшая работа по истории Большого дворца в XIX — XX вв. Результаты этой работы позволят хронологически расширить тематику выставки и внесут соответственные изменения в следующие издания путеводителя.

1 марта 1930 г.

Предисловие ко второму изданию

Музейная деятельность Петергофа в 1930 году прошла под знаком политической активизации. Эта целевая установка определила содержание выставок, развернутых в Большом дворце-музее: *„Культурная пятилетка и роль в ней музеев“*, *„Царские доли и СССР“* и *„Церковь на службе у самодержавия“*.

Первые две выставки имеют самостоятельное экскурсионное значение и не охватываются настоящим путеводителем. Что касается выставки *„Церковь на службе у самодержавия“*, то она тесно связана с основной экспозицией историко-бытового музея XVIII века и поэтому обзор ее входит в этот путеводитель.

Во втором издании брошюры дополнены и переработаны некоторые главы и увеличено число иллюстраций.

1 ноября 1930 г.

*„Наши пожелания этому музею
не 100.000 экскурсантов, а
1.000.000. Это хорошая школа по
истории классовой борьбы в России“.*

Рабочий фабрики „Скороход“
А. Казанцев

1 июня 1930 г.

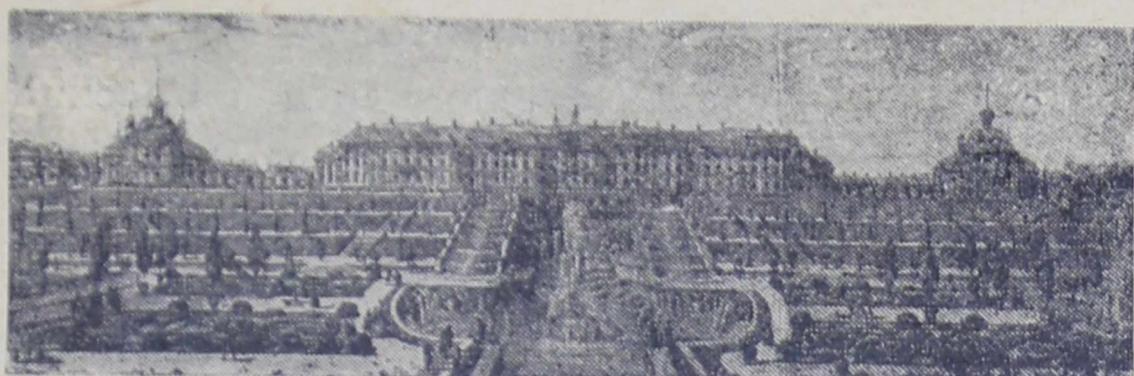
Из *„Книги впечатлений“.*

Как пользоваться путеводителем?

Настоящий путеводитель рассчитан на массового читателя и в значительной своей части *должен быть прочитан до или после экскурсии*. Основная его цель — подготовить к осмотру музея и закрепить и углубить знания, полученные в экскурсии.

Возможно пользоваться этой книжкой и при непосредственном осмотре музея и выставок; при этом следует иметь ввиду, что минимум текста, необходимый для прочтения при осмотре музея, выделен боковыми линейками и что начиная со стр. 13 изложение согласовано с экскурсионным маршрутом по музею, и что главы „Возникновение Петергофа“, „Дворцовое строительство“, „Работные люди“ и „Назначение дворца“ соответствуют введению выставки, находящемуся в бывших служебных помещениях дворца.

Развернутая в музее выставка включает наряду с диаграммами, планами, гравюрами и другим изобразительным материалом — значительное количество текстов (архивные документы или свидетельства современников), которые часто приводятся в этой книжке и выделены кавычками.

Историческое просвещение масс входит в задачи культурной революции. Ибо знание прошлого, которому рабочий класс противопоставляет великие завоевания Октября, облегчает сознательное строительство новой жизни, новой пролетарской культуры. Ибо „пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества“ (Ленин).

В истории нашей страны, ставшей первым отечеством международного пролетариата, 1917 год ознаменовал гигантский шаг от полуфеодальной царской России к социалистической революции. Буржуазная революция оказалась только трамплином, толкнувшим страну к революции пролетарской, и Россия в своем политическом развитии догнала и перегнала „передовые“ капиталистические страны. Но исторический процесс закономерен и не знает случайностей; быстрый темп революционизирования России был подготовлен некоторым своеобразием всего ее предшествующего развития. Понять это

своеобразие — одна из задач, которые следует перед собой ставить, изучая историю царской России.

Изучать прошлое помогают не только лекция и книга: огромную роль играет массовая экскурсионная работа в исторических музеях. А среди них видное место принадлежит бывшим царским дворцам, превращенным революцией в музеи истории царской России. И не напрасно каждое лето сотни тысяч трудящихся из Ленинграда и со всех концов Союза осуществляют культпоходы в музейный Петергоф. Они получают здесь наглядные уроки истории, укрепляющие их классовое самосознание и расширяющие их политический кругозор. Эти уроки полезны нам, а еще больше нашей смене, знающей дореволюционную жизнь только со слов. Плохо если комсомольцу крепостная Россия представляется легендой, а носители дворянской власти полумифическими существами. Плохо потому, что историческая неграмотность — это прорыв на культурном фронте.

Просветительное значение музейного Петергофа разнообразно. Творческий гений лучших европейских художников — архитекторов, садоводов и живописцев спроектировал на финском болоте великолепный парк с фонтанами и дворцами. Тяжелый труд многочисленных безымянных исполнителей превратил эти проекты в действительность. Но недостаточно удивляться мастерству, вложенному в художественные произведения: необходимо осмыслить служение художников интересам господствовавшего

класса. И нигде более отчетливо не выступает эта служебная роль искусства, как в создании и украшении царских дворцов. А еще более значительны те моменты в прошлой жизни Петергофа, которые разрывают узкие рамки царского быта и вводят нас в сложность и многообразие политической и экономической жизни страны. И эти моменты не исключение, а правило. За великолепием дворцового строительства, за нарочитой пышностью и мишурным блеском придворного быта то и дело прощупывается неприглядная действительность и жестокая классовая природа крепостнического государства.

Петергоф в целом служит прекрасной иллюстрацией к двухвековой истории „императорской“ России. Дворцы-музеи — это не только овеянная история монархии, это зеркало, отразившее в себе историю господствовавшего в царской России класса. Эта командующая роль почти на всем протяжении двух веков принадлежала дворянству, и „самодержавие“ было послушным орудием в его руках. Понятно, что интересы дворянского землевладения направляли политику дворянской власти; понятно, что судьбы монархии и дворянства были тесно связаны. Экономический и политический расцвет последнего в XVIII веке вознес монархию на предельную высоту, а неуклонное умирание дворянства в течение следующего столетия влекло за собой к закату и самодержавную власть. Однако понять до конца историю царизма нельзя без учета всей сложности классовых противоречий.

В начале XVIII века, в эпоху решительного наступления торгового капитала, именно его интересы определяли поведение правительства: но это продолжалось недолго и с крушением буржуазной политики установилась дворянская диктатура. Безраздельное политическое владычество дворянства обуславливалось тем, что в течение XVIII века крепла и расширялась его экономическая база, до невиданных размеров увеличивалась эксплуатация крепостного труда. Лишь к концу XVIII века на безоблачном доселе небе дворянского благополучия появились зловещие тучи. Пугачевское восстание, всколыхнув трудовые массы восточной России, грозило распространиться еще шире. Отголоски французской революции, прокатившись по всей Европе, заставили и русское дворянство дрожать за свое существование. Эта двойная опасность послужила толчком к укреплению диктатуры помещика-потребителя через посредство централизованной бюрократической монархии. Война с революционным движением, угрожавшим самому существованию монархии, продолжала для нее и впредь оставаться в порядке дня. Перегруппировка классовых сил окончательно определила во второй половине следующего XIX столетия союз дворянства и буржуазии против подымавшейся снизу рабоче-крестьянской революции. Этот союз нашел выражение в буржуазно-дворянской монархии последних трех „самодержцев“, и крушение монархии оказалось крушением обоих эксплуататорских классов.

Политической истории монархии сопутствовала история дворцового строительства и быта, с исключительной полнотой и отчетливостью представленная памятниками Петергофа. Одновременное подражание скромному быту буржуазной Голландии и показному великолепию французского королевского двора — в петровскую эпоху, безудержная роскошь в эпоху расцвета дворянской монархии, и, наконец, в XIX веке все более фальшивое и неустойчивое сочетание парадного быта с замкнутостью и буржуазностью личного царского жилища. Этим трем основным периодам истории дворцового строительства соответствуют три части Петергофа: дворцы Петра I, Большой дворец и „Александрия“.

Большой дворец был на всем протяжении двухсотлетия от Петра I до Николая II центром парадной жизни двора. Но он особенно характерен для XVIII века, когда парадный быт еще не был только дополнением к другому менее официальному царскому быту, а представлял самую его суть. В соответствии с развернутой по дворцу выставкой мы будем иметь дело только с этой, наиболее интересной, эпохой в жизни дворца и поставим себе целью раскрыть социально-политический смысл парадного царского быта.

Остается ответить на вопрос, стоит ли внимания эта далекая эпоха и ее памятники со стороны не только специалистов-историков, но и широких масс экскурсантов? Этот вопрос вызывает гораздо меньше сомнений в отношении поздних памятников царского

быта, ибо стоит в непосредственной связи с изучением революционного движения, с естественным желанием узнать, как боролось самодержавие и чем оно защищалось против надвигавшейся гибели. Но нельзя пренебрегать и более ранней эпохой, ибо в противном случае многое в предреволюционной истории царизма останется непонятным. В частности, в XVIII веке следует искать корни той военно-полицейской организации царизма, которая дожила до 1917 года. Именно тогда была разработана сложная система эксплуататорской государственной машины, — чиновничество, армия и церковь особенно отчетливо были сделаны орудиями классового угнетения, наука и искусство были призваны безоговорочно обслуживать и превозносить командовавший класс. Именно в XVIII веке отчетливо оформилась хищническая завоевательная политика, плата народной кровью за прибыли дворян и капиталистов. Наконец, именно из этой эпохи мы узнаем примеры, особенно наглядно показывающие служебную роль самодержавия, бывшего игрушкой в руках безраздельно господствовавшего дворянства. И тогда же величественное и, казалось, вечное здание дворянского государства зашаталось под напором объединенных пугачевским восстанием народных масс.

*Количество иностранных кораблей,
посетивших Петербург и Архангельск:*

	<i>Петербург</i>	<i>Архангельск</i>
<i>1713 г.</i>	<i>1</i>	<i>31</i>
<i>1718 г.</i>	<i>54</i>	<i>28</i>
<i>1724 г.</i>	<i>180</i>	<i>7</i>

*„Имея надежду на бога, желаем
получить прибыль“.*

Надпись на медали, выбитой в честь
первого иностранного корабля, посе-
тившего Петербург (1713 г.).

Возникновение Петергофа

Западно-европейская буржуазия в поисках нового рынка и торгового пути через Россию на Восток, не раз обращалась к Московскому государству. Правительство последнего не препятствовало проникновению в страну капиталов в той мере, чтобы путем монополий извлечь из этого максимальные выгоды для царской казны и для кормившегося около нее дворянства. Однако и в этих стесненных условиях торговый капитал, развиваясь, завоевывал все

более крепкие позиции и наконец узкая оболочка феодального московского государства оказалась для него тесной и была в конце XVII века взорвана.

Наступила тридцатилетняя эпоха диктатуры торгового капитала, осуществлявшейся им в союзе с землевладельческой знатью против общей массы дворянства. Проводником этой диктатуры оказалась централизованная на европейский манер самодержавная власть, в лице первого императора, энергично насаждавшая „коммерцию и мануфактуры“. Роль Петра как представителя интересов торгового капитала достаточно характеризуется его словами о значении торговли, — „верховной обладательницы судьбины человеческого рода, почему принадлежать к ней есть дело самых высочайших делов достойное“. Но чтобы действительно „принадлежать“ к торговле, необходимо было связаться с Западом более удобным торговым путем. Война со Швецией, длившаяся свыше двадцати лет, и была борьбой за обладание берегами Балтийского моря, за новые гавани, за увеличение торгового барыша больше чем вдвое в сравнении с прежними доходами, когда торговля шла окружным путем через Архангельск.¹

Еще задолго до формального окончания войны, в 1721 году закрепившего за Россией „в совершен-

¹ См. „Карту торговых путей“.

ное непрекословное вечное владение и собствен-
ность от короны Свейской завоеванные провинции“,
Петр после взятия Шлиссельбурга настолько твердо
укрепился в Прибалтике, что приступил к сооруже-
нию в устье Невы портового города, скоро полу-
чившего значение новой столицы. А для защиты
его с моря в том же 1703 году была заложена на
острове крепость. Первой причиной, определившей
место будущего Петергофа, было его расположение
на пути частых царских путешествий в строящийся
Кронштадт; осенняя и зимняя погода заставляла
большую часть пути проделывать берегом и по
возможности сокращать передвижение по заливу. Но
не будь других причин, Петергоф не мог бы разра-
стись до размеров царской резиденции, а остался
бы одним из тех многочисленных „попутных“ доми-
ков, которые редко существовали дольше несколь-
ких десятков лет.

Экономические последствия Северной войны
обусловили новую политическую роль России,
включили ее в круг политической жизни За-
падной Европы. Новая империя, чтобы спра-
виться с новыми задачами и поддержать свой
престиж, должна была не только перестро-
ить свою государственную организацию, но
и найти показательные формы своего приобщения
к западной культуре. Почти одновременно с по-
стройкой Петербурга возникает и на его тер-
ритории и вблизи целый ряд парадных рези-

денций, среди которых особенно показная, особенно агитационная роль выпала на долю Петергофа ¹. Из заграницы выписывались лучшие мастера разных специальностей для планировки парков, устройства фонтанов, сооружения дворцов. Царские послы были загружены поручениями по скупке художественных произведений и бытовых вещей для убранства новых царских жилищ. В Петергофе была устроена первая в России картинная галлерей. И Петр, первый петергофский экскурсовод, принимал здесь русских и иностранных гостей, чтобы демонстрировать перед ними политическое и культурное благополучие новой империи.

Это благополучие оказалось в значительной мере только показным. По выражению К. Маркса Петр стремился „варварством побить русское варварство“. Насильственное насаждение „коммерции“, зачастую наивными и негодными средствами, не могло скрыть внешней и внутренней слабости русского торгового капитала, который не мог соперничать с западным конкурентом и не был в состоянии противостоятъ дворянской реакции. С завершением политической системы, связанной с именем Петра, феодальные пережитки надолго одержали верх и Россия оказалась добычей дворянства. Но внешние формы петровской монархии во многих

¹ См. гравюру „Петербург и его окрестности“.

существенных чертах были усвоены его преемниками. Особенно широко развернулось начатое Петром подражание дворцовому строительству королевской Франции. И Петергоф, возникнув в результате наступления русского торгового капитала, оказался в своем расцвете связанным с судьбами дворянской монархии.

„В Питергофе полатки зделать, также канал до моря выкопать; а буде трудно будет всю землю выносить, то только с того с канала землю выкопать и камнем диким выкласть.“

Указ Петра I о постройке Большого дворца в Петергофе, 1715 г.

Дворцовое строительство

Первая петергофская постройка, называвшаяся „светлицами“, возникла, вероятно, вскоре после основания Петербурга, но существовала только до конца XVIII века. Сохранившиеся рисунки показывают, что это было небольшое деревянное здание, отвечавшее только своему прямому назначению „путного“ домика между Петербургом и Кронштадтом. Поэтому началом дворцового строительства в Петергофе следует считать постройку „Монплезира“, ¹

¹ Франц. — „Мое удовольствие“.

который несмотря на скромные размеры и убранство уже имел многие черты, роднившие его с западноевропейскими дворцами, привлекавшими внимание Петра еще во время первого его путешествия за границу в конце XVII века.

Однако, только возникновение Большого дворца и одновременные работы по планировке парка и устройству фонтанов придают петергофскому строительству тот большой масштаб, который соответствовал парадной резиденции. К этому времени в ходе Северной войны произошел решительный перелом в пользу России. А насколько тесно судьба Петергофа была связана с исходом этой войны видно хотя бы из того, что первое распоряжение о постройке Большого дворца последовало в 1715 году через несколько месяцев после победы над шведским флотом при Гангуте. Достоинно внимания и то, что петергофские фонтаны были закончены и впервые пущены в год заключения Ништадтского мира (1721), а четырнадцать лет спустя был сооружен в память Полтавской победы, одержанной в „день св. Самсона“, самый замечательный из фонтанов „Самсон“.

Если на первоначальный облик Петергофа некоторое влияние оказала буржуазная Голландия, главное место первого заграничного пребывания Петра, то все последующее строительство Петергофа шло под безусловным влиянием королевской Франции. Укрепление международной политической роли России и все более

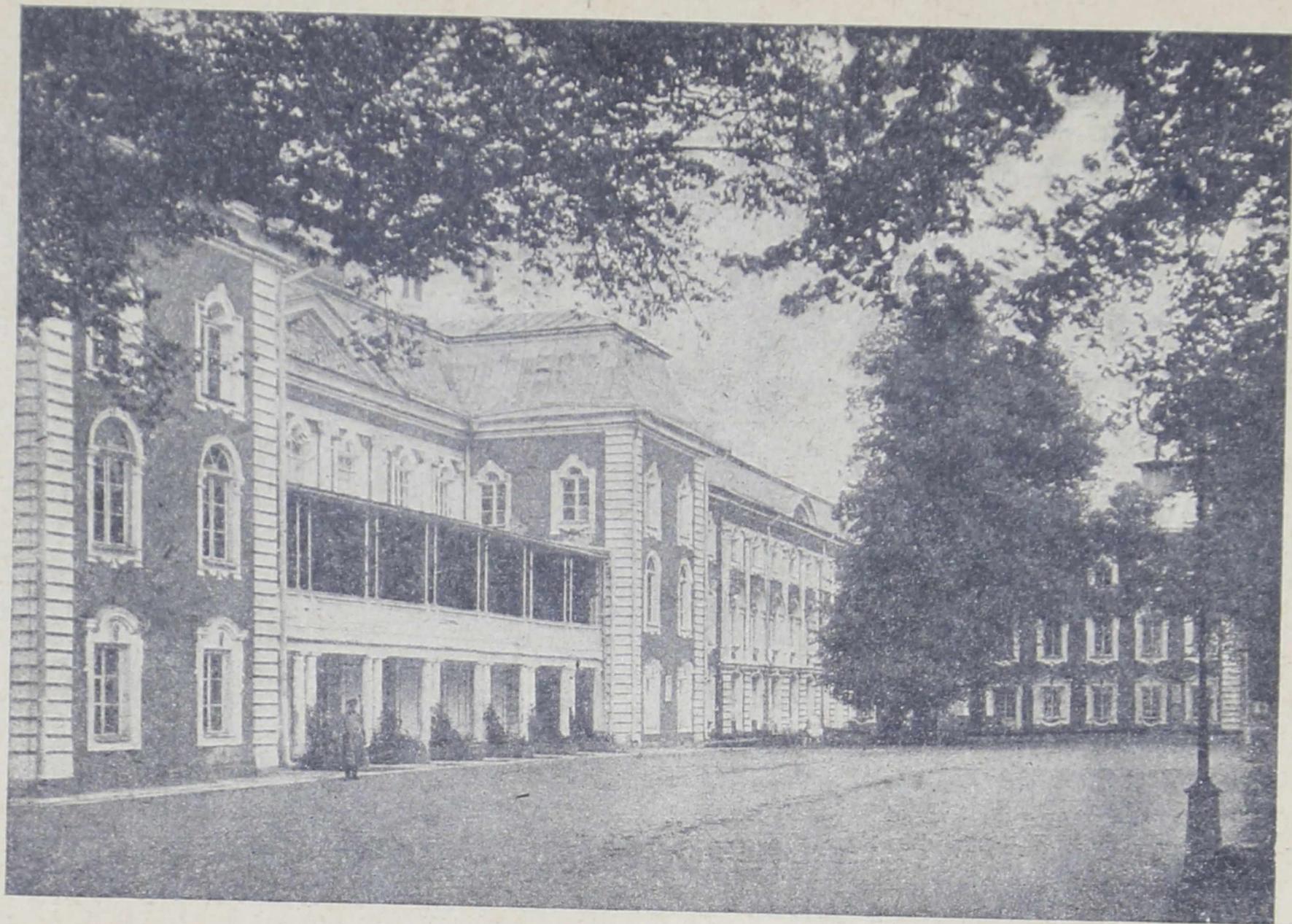
заметный переход власти внутри страны от буржуазии к дворянской бюрократии — заставляли русскую монархию брать за образец французский абсолютизм. Это нашло отражение и в дворцовом строительстве. Пребывание Петра во Франции в 1717 году и „приятнейшее удовольствие“, которое он находил в прогулках по Версалю и другим загородным резиденциям французского короля, в рассматривании там всех редкостей, фонтанов и „прочих игровых вод“, — все это должно быть поставлено в прямую связь с непреодолимым желанием Петра иметь и у себя, на неприветливых берегах Балтийского моря, дворцы и парки „не хуже чем в Версалии“.

Чтобы осуществить это царское желание требовался незаурядный исполнитель. Таковым оказался специально приглашенный из Франции „королевский“ архитектор Леблон. Он прибыл в Петербург в 1716 году во главе большой партии французских мастеров, многие из которых вместе с ним приняли участие в петергофских работах. Леблон был сделан генерал-архитектором и ведал всеми постройками. Но особенно большое влияние его приезд оказал на Петергоф. Леблон заменил неудачно начавшего постройку дворца немца Браунштейна и кроме окончания дворца и распланировки парка, будучи первоклассным по тем временам инженером, дренировал болотистую почву Петергофа и спроек-

тировал здесь огромную фонтанную систему, до сих пор вызывающую удивление своей мощностью и гениальной простотой. За два с половиной года, проведенных Леблоном в России, петергофские парковые и фонтанные работы значительно продвинулись вперед, но еще далеко не были закончены; внутренняя отделка дворца также затянулась до 1721 года. В этом первоначальном виде дворец, хоть и бывший только двухэтажным и в шесть раз короче теперешнего, уже значительно превосходил по размерам Монплезир и был по отзыву современника одним из лучших зданий во всей стране. После смерти Леблona среди работавших в Петергофе мастеров выделялся итальянец Микетти. Под его наблюдением продолжались фонтанные работы, подвергся перестройке Монплезир, а к Большому дворцу были пристроены галереи, значительно удлинившие и украсившие его фасад.¹

Второй период петергофского строительства наступает в сороковых годах XVIII века. Вместе с укреплением дворянской монархии изменяются официальные формы ее жизни, растет свита, усложняется придворный церемониал и все увеличивающаяся роскошь и пышность императорского быта требуют расширения парадных дворцов. Переделка петергофского дворца была поручена Елизаветой архитектору

¹ См. выставку.

Центральная часть дворца со стороны Верхнего сада

Растрелли, закончившему эту работу к середине века. Значительно расширив среднюю часть здания, Растрелли добавил к ней галереи, одну из которых закончил церковью, другую так называемым „корпусом под гербом“. Этот внешний вид дворца сохранился без существенных изменений и до сих пор. Что касается внутренней отделки, то в соответствии с французской модой вся она была исполнена в веселом и причудливом стиле рококо. Русское дворцовое строительство и впредь следовало указаниям французской моды. В конце семидесятых годов архитектор Фельтен по заказу Екатерины II переделал во дворце несколько зал в новом классическом стиле.

В XIX столетии в связи с возникновением в Петергофе других более современных царских жилищ, за Большим дворцом остается только официальная жизнь, т.-е. парадные увеселения и приемы. Он уже не переделывается, но тщательно поддерживается, как недостижимый образец лучших времен монархии. Особенно значительные реставрационные работы происходят при Николае I, тщетно пытавшемся на закате дворцовой культуры подновить обветшавшую роскошь прошлого столетия.

Подновление старых дворцов, расширение территории Петергофа и сооружение многочисленных павильонов — все это было свидетельством чрезвычайных забот Николая I о поддержании престижа монархии, о восстановлении ее внешнего великолепия.

В сороковых годах XIX века происходят большие работы в петергофском дворце. Наряду с капитальным ремонтом исправляется живопись, восстанавливается позолота, возобновляется мебель. Не подлежит никакому сомнению своеобразно-„музейный“, реставрационный характер всех этих работ. Парадные залы не подвергаются переделкам и только второстепенные комнаты восточной половины дворца значительно изменяют свой облик; и то только потому, что их обивка пришла к тому времени в совершенную ветхость, а первоначального убранства они были лишены еще в начале XIX века. Нетрудно разгадать смысл этого бережного отношения к прошлому. Столь убедительных форм прославления монархии, как созданные XVIII веком, в николаевскую эпоху создать было нельзя и оставалось молодящуюся монархию одевать в старые наряды.

Поэтому особое значение приобретает отделка так называемой Ольгинской половины дворца, подражающая елизаветинскому рококо парадных зал. Придворный архитектор Штакеншнейдер—расторопный исполнитель заказов Николая I и редкий мастер в области подражательных стилей, оказался как нельзя более „ко двору“ и почти все николаевское строительство в Петергофе связано с его именем. Ольгинскую половину он устраивает в 1846 году в восточном корпусе дворца, выступающем в Верхний сад, на месте бывших здесь ранее личных комнат Александра I. Отделка этих комнат была приурочена к свадьбе дочери Николая I Ольги с принцем Вюртембергским. Но этот случайный повод (новобрачные пользовались этими комнатами несколько дней до отъезда в Вюртемберг) интересен только тем вотчинным, семейным характером, который старался Николай I придать Петергофу, одарив каждого из своих многочисленных детей дворцом, павильоном или даже деревней в окрестностях Петергофа.¹

¹ О последующей судьбе Ольгинской половины см. стр. 66.

„Доношу вашему величеству сею февраля 21 дня в Питергоф в работу пришли 150 человек татар из Азовской губернии, да из Московской губернии по прежнему наряду присланных работников 476 человек отправлены в Питергоф“.

Доношение конторы от строений
1716 г.

„Работные люди“

Создание Петергофа потребовало колоссальной затраты и жестокой эксплуатации рабочей силы. Фундаментом для великолепной царской резиденции послужили кости сотен и тысяч „работных людей“, жизни которых должны были компенсировать несовершенство строительной техники и исключительно неблагоприятные природные условия прибалтийского края. Болотистая почва, суровый климат, постоянные бури и наводнения, — все это чрезвычайно затрудняло строительные работы и ложилось двойным бременем на плечи подневольных строителей „российского Версаля“.

Там, где росли только мох да карликовые породы деревьев, нужно было по царскому приказу насадить парки и возвести дворцы. Деревья с огромными трудностями везли с далеких окраин России и из заграницы. Но мало этого: почва была

настолько низка и болотиста, что приходилось издалека на баржах подвозить и землю. На каждом шагу возникали новые трудности и неудачи. То при постройке Большого дворца появилась грунтовая вода, залила его основание и только Леблон спас положение, устроив дренажные сооружения для спуска воды. То при рытье канала в Нижнем саду из почвы начали бить „великие ключи“, воду от которых выливали „днем и ночью неумолкая“. То жестокая буря ломала и выкорчевывала деревья, а очередное наводнение сносило только что законченные постройки. Нелегко было смирить водную стихию и отвоевать Петергоф у моря, а обилие ключевых вод замкнуть в фонтанные трубы и водоемы.

Для широко развернувшегося строительства новой столицы и окрестных резиденций не хватало ни местных рабочих, ни царской казны. Это дело было с самого начала объявлено государственной повинностью всей крепостной страны. Каждая деревня обязывалась выделить положенное количество работников и предоставить деньги на их прокормление. Таким образом только за четыре года было собрано до полутора тысяч человек и свыше миллиона рублей, причем немалая часть этих сборов расходовалась на Петергоф. Однако, и этих людей оказалось недостаточно и на строительные работы постоянно назначались партии шведских пленных и целые полки русских солдат.

С 1718 года высылка рабочих была заменена денежным сбором со всех губерний, но положенное работным людям грошевое жалованье выплачивалось очень неаккуратно, самым обыкновенным делом были задержки на десять-двенадцать месяцев. К середине XVIII века установился еще более выгодный для казны обычай: оплачивать не больше одной трети задолженности. Что же касается квалифицированной рабочей силы, то чтобы иметь ее под руками — на казенных землях вблизи Петергофа устраивали целые деревни, население которых из поколения в поколение специализировалось на различных ремеслах. Это, так называемое, „дворцовое крестьянство“ пользовалось некоторыми экономическими привилегиями и кроме своего прямого назначения должно было служить для гостей царского Петергофа ширмой, скрывавшей безысходную нищету всей остальной массы крестьянского населения.

Особенно тяжелой была работа в осеннее и зимнее время при полной необеспеченности рабочих жилищами, одеждой и лечением. Помещения для „работных людей“ строились в расчете только на внешнюю красоту, были похожи на парковые павильоны и почти негодны для жилья. Что касается казенной одежды, то известен только один случай выдачи солдатам холщевых балахонов, да и то затем, чтобы при носке извести и кирпича не обветшали раньше времени „государевы“ мундиры. А универсальным лекарством от всех болезней считалась

водка, и работные люди были всегда обеспечены кабаками в полной мере.

Неудивительно, что люди массами мерли от голода, от частых эпидемий, случалось замерзали целыми партиями. Беспристрастными свидетелями катастрофической смертности являются длинейшие архивные ведомости „расходу людей“, бесконечные списки тех, которые „бежали и умре“. И даже далеко не мягкосердечный Петр, вернувшись из заграницы, был поражен тем, что больные находились „без призрения“, что „по улицам мертвые валялись, а от больных ныне остаток милостины просят“. Сбегавших от этой каторжной жизни при поимке ждала жестокая расправа: батоги и шпицрутены отпускались в количестве, нередко заменявшем смертную казнь.¹

Для выполнения административных и полицейских функций над целой армией рабочих Петр распорядился „ко всем работам приставить офицеров“. Уже в петровскую эпоху значение гвардейского офицерства, состоявшего из дворян, было настолько велико, что не только иностранный архитектор зависел от унтер-офицера, но и „члены сената вставали со своих мест перед поручиком и относились к нему с подобострастием“. Надзирателем петергофских ра-

¹ См. выставку.

бот обыкновенно назначался унтер-офицер Преображенского полка, при помощи нескольких гвардейских солдат представлявший на месте всю полноту государственной власти. Если разнузданный произвол этой дворянской администрации тяжело отзывался даже на сравнительно привилегированных иностранных мастерах, — то нетрудно представить безысходное положение бесправного рабочего люда. Какой-нибудь „ундер-лейтенант“ путем побоев и неизменной дубины проводил в жизнь царские указы и осуществлял в Петергофе жестокую диктатуру господствовавшего класса.

„Петергофской канторе предлагается непременно смотреть дабы подлый народ, а неменьше нищие по указанным садам не бродили и чтоб туда отнюдь пускаемы ни были“.

Указ 1756 года.

Назначение дворца

Великолепные царские резиденции XVIII века резко противопоставлялись всей остальной крепостной и нищей России. С укреплением дворянской власти, с безудержным ростом эксплуатации податных сословий, — представители

этой власти все более изолировались от тех, кто не принадлежал к привилегированному меньшинству.

Обычно принимало участие в придворной жизни и окружало царский престол только вельможное дворянство, только те, кто по доходам и чинам стояли на самом верху социальной лестницы, занимали первые места в „табели о рангах“. Но несколько раз в год двери дворца открывались шире и кроме „знатных обоего пола персон“ и „господ чужестранных министров“, к дворцовым празднествам допускались более широкие слои дворянства и даже избранные представители „российского и иностранного купечества“. Дорогостоявшие увеселения и пышные церемонии должны были лишней раз уверить этих гостей в незыблемости и „божественном“ происхождении дворянского государства.

Что касается остальной массы населения, то ее убеждали в этом иными способами. „Подлому народу“ строго запрещалось приближение к царскому жилищу. Специальные указы определяли даже внешние отличительные признаки тех, кто не имел в дворянской России ни гражданских, ни человеческих прав. „Наистрожайшим образом и почаству“ подтверждалось не допускать в царские сады „матросов, господских ливрейных лакеев и подлого народу, а также у кого волосы не убраны, платки на шее или кто в больших сапогах и сером каф-

тане“. А „людям и крестьянам“, виновным в нарушении этого правила, грозили, что „чьи б они ни были, без всякого милосердия сосланы будут в каторжную работу“. ¹

Эта изоляция царского поместья, это решительное отграничение его от „верноподданной“ страны подчеркивалось разными средствами. Наряду с ростом военной и полицейской охраны следует отметить, что подбору смежных владельцев всегда уделялось большое внимание. Царский Петергоф XVIII века был замкнут в широкое кольцо земель или принадлежавших казне, или подаренных наиболее крупным вельможам. Указанные на карте смежных с Петергофом владений имена Разумовских, Чернышевых, Воронцовых, Румянцевых и Сиверсов были свидетельством устойчивости феодальных пережитков и гарантировали полную благонадежность ближайших царских соседей.

Неуклонный рост царской охраны стоял в непосредственной связи с увеличением и усложнением общегосударственного политического розыска, как орудия в борьбе с революционным подъемом угнетенных масс. Сперва охрана царской резиденции почти целиком лежала на гвардейских полках, переводившихся в Петергоф только на лето, на время царского пребывания. Но уже во второй половине XVIII века

¹ См. выставку.

пугачевское восстание и отзвуки французской революции вызвали учреждение специального бюрократически-полицейского аппарата. В частности при Екатерине II в Петергофе была основана полиция. Тогда же была введена при дворе должность генерал-адъютанта, главная обязанность которого заключалась в том, чтобы „ведать“ дворцовые караулы и иметь „в смотре своем збережение царского здоровья“.

Но и военная охрана не теряла своего значения: в начале XIX века три гвардейские полка были переведены в Петергоф на постоянное пребывание. Позже в помощь им появились жандармы и тайная полиция, не случайно учрежденная в ведомстве „собственной его величества“ канцелярии. И постепенно „увеселительная“ царская резиденция получила специальную охрану из многих сотен человек и превратилась в неприступную крепость самодержавия.

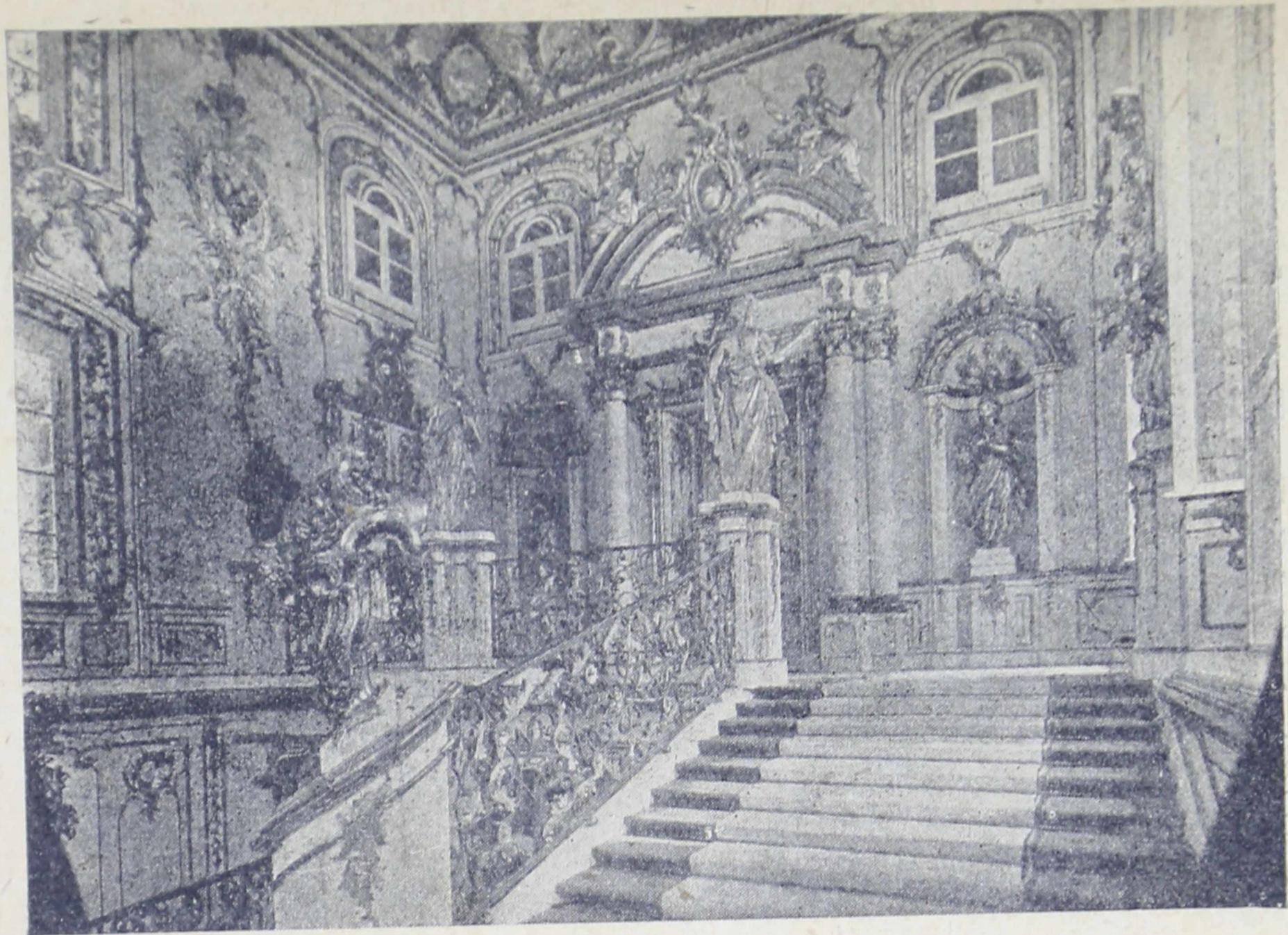
Так классовое назначение царского Петергофа подкреплялось его изолированностью, и судьбы его тесно переплетались со все более непримиримым конфликтом между страной и властью, с тем неустойчивым равновесием, которое называлось Российской империей и поддерживалось изнутри штыком и нагайкой.

„Ея императорское величество соизволила указать сею 29 числа всем знатным обоего пола персонам и знатному шляхетству и господам чужеземным министрам съезжаться в Питергоф ко двору на бал, при чем особы первых пяти классов поздравление приносить имеют“. 1752 г.

Лестница

перед танцевальным залом вводит нас в атмосферу парадного дворца. Ее отделка доведена до последних пределов роскоши и мастерства. Ослепительная позолота вычурных резных украшений, причудливые завитки живописных гирлянд, обрамляющих вензеля Елизаветы, — все это должно было поразить гостя и внушить ему представление об исключительности царского жилища.

Четыре деревянные золоченые фигуры, олицетворяющие времена года, тесно связаны своим исполнением с пышным наддверием. Последнее украшено двумя аллегорическими фигурами, держащими перед императорской короной зеркало и пылающее сердце — символы справедливости и верности. „Дворяне и другие равно находящиеся под Россиею шляхетства, приезжающие туда, где находится го-

Парадная лестница

сударь, сами со своими фамилиями представляемы быть государю имеют для принесения всеподданнейшего своего усердия". Это „усердие“ дворянства и преданность его короне подчеркивается и в большой потолочной картине итальянского художника Тарсиа, содержанием которой является возвеличение самодержавия, в частности прославление Елизаветы. Она в виде богини весны несется на пышной колеснице, увитой цветами и окруженной фигурами, олицетворяющими свет, тепло и весенний дождь. Это должно было выражать воцарение Елизаветы, бывшее важным этапом в установлении дворянской диктатуры.

„Вся эта неделя исключительно посвящена празднествам. Поэтому до субботы, следующего почтового дня, мне не явится возможности спокойно разговаривать с канцлером“.

Донесение английского посла о русском дворе 1745 г.

Танцевальный зал

Поденная лакейская запись камер-фурьерского журнала о жизни двора дает следующее распределение „событий“ за неделю: воскресенье — бал, понедельник — маскарад, вторник — маскарад, среда — то же, пятница — молебствие

и итальянская опера, суббота — французская комедия и „молебен в комнатах“, воскресенье — куртаг, т. е. опять-таки увеселение. На маскарадах могли участвовать „все чиновные люди до полковничьего чина и все служившие офицерами в гвардии“. Иногда допускали на них прочих дворян и „знатнейшее“ купечество. На первых придворных маскарадах бывало обыкновенно не более 100—200 человек, на вторых до 800.

Эти увеселения занимали главное место в придворном быту и самая архитектура дворца должна была отвечать увеселительным целям. В отделке танцевального зала архитектор стремился создать впечатление особенного простора. Стены он занял деревянной золоченой резьбой, медальонами с живописью художника Валериани и множеством зеркал, которые нарушают скучную плоскость стен и уводят взор в бесконечные корридоры. А потолок украсил огромной картиной работы Тарсия, изображающей небо и мифическую гору Парнас, откуда Аполлон (бог-покровитель искусств), окруженный музами, приветствовал широким жестом собиравшихся гостей и хозяйку дворца. Эта картина должна была прославлять мнимое торжество искусств и наук в России под скипетром Елизаветы, которую художник не преминул изобразить в виде парящей в небе женщины со скипетром. Возвеличивая императрицу и помещая ее в непосредственное соседство со „священной“

горой Парнас, живописец стремился дать иллюстрацию к льстивым стихам придворного поэта:

„Герой тебя родил,
Носила героиня,
Каков быть должен плод?
Не иной как богиня“.

Все виды искусства XVIII века объединялись в раболепном служении господствовавшему классу, в беззастенчивом прославлении могущественного заказчика.

Расточительность двора на увеселения и празднества приводила к тому, что по свидетельству современника финансы России находились в чрезвычайном беспорядке. „В казне ни гроша, а расходы возрастают со дня на день“. Дорого стоившие показной блеск и внешнее великолепие придворной жизни не могли, однако, скрыть ее пустоты и бессодержательности. Один из иностранных дипломатов жаловался, что „правительство должно иметь при этом дворе министра в молодых годах, так как по здешнему мнению он не должен пропустить ни приема во дворце, ни бала, ни маскарада, ни комедии, ни оперы“. По взглядам русского двора это составляло главную обязанность государственного деятеля. ¹

¹ См. щит № 1.

„Фрегат был нагружен таким количеством пороха, сколько нужно было, чтобы его взорвать, и в шести милях от Ливорно на рейде при невероятном стечении народа зажжен и менее чем в час взорван на воздух; безусловно самая дорогая модель, которая когда-либо служила художнику“.

Гёте.

Чесменский зал

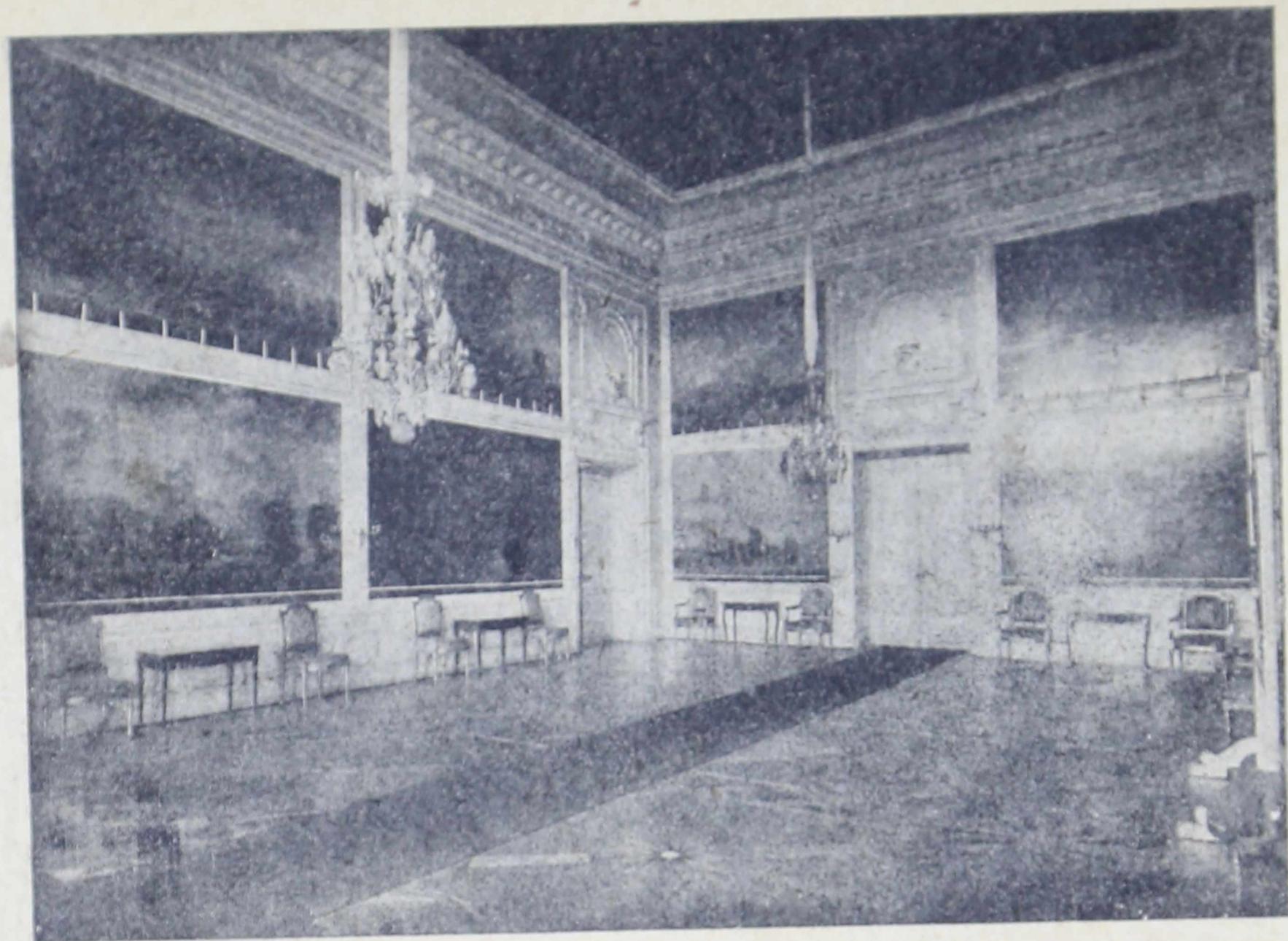
вводит нас в другую эпоху, когда ряд растрелиевских зал был переделан по заказу Екатерины II архитектором Фельтеном, сообразно с изменившимися художественными вкусами придворной знати. Рококо елизаветинского времени с его разгулом беспокойных и праздничных форм уступает место формам внешне более спокойным. „Изящные искусства должны представить нам в самом приятнейшем виде все предметы нужные к нашему благополучию, они должны усугубить подобие и восхитить чувство и разум“—говорится в одном из руководств для мастеров Академии Художеств, которой было поручено исполнение проектов Фельтена. От первоначальной отделки зала сохранился только плафон художника Вернера „Церера (богиня земледелия и хлебных плодов), научающая людей земледелию“.

Лепка стен, представляющая турецкие доспехи и эмблемы, и двенадцать больших поло-

тен художника Гаккерта „восхищали чувства придворных разгромом турецкого флота при Чесме. Морская победа 1770 года, решившая русско-турецкую войну, была запечатлена кроме этих картин сооружением ряда памятников в загородных резиденциях и постройкой около столицы целого дворца, названного Чесменским. Отделка этого зала интересна тем, что она характеризует не только придворный быт: отзвуки победного грома турецких войн в дворцовом строительстве являлись агитацией за завоевательную политику дворянской монархии.

Развитие торгового капитала потребовало к концу XVIII века новых путей для внешней торговли. Еще Петра I наряду с Балтийским морем интересовало и Черное. Однако ни Петру, ни его ближайшим преемникам не удалось утвердиться на черноморском побережье. Россия не имела права держать флот на Черном море, а торговать могла только при помощи турецких судов, лишаясь поэтому значительной доли барыша. Только в 70-х годах XVIII века попытки продвинуться на юг увенчались успехом. Мир с Турцией 1774 года и последующее завоевание Крыма способствовали расширению и укреплению русской торговли.

В результате турецких войн русские корабли получили право посещать не только турецкие воды, но и проходить через Дарданеллы в Средиземное

Чесменский зал

море, что открывало путь в Европу для наиболее выгодного сбыта пшеницы из южных губерний. „Российская коммерция—писал современник—безмерно одолжена великой Екатерине приобретением Таврической области со множеством на Черном море свободных портов“. Благодаря этому, мечтал он, Россия должна стать „центром коммерции между Азией и Европой“. ¹

Заслуживает внимания история написания картин, украшающих Чесменский зал. В помощь художнику и для большей правдоподобности изображения морской битвы был специально устроен взрыв 66-пушечного фрегата „св. Варвара“. В то время русский флот не был силен ни численно, ни качественно, и эту жертву фрегата для инсценировки следует расценивать, как одну из попыток русского правительства расточительностью пустить пыль в глаза Западной Европе, с большим вниманием и завистью следившей за русскими успехами на Черном море. Взрыв „св. Варвары“ обсуждался европейскими газетами не меньше, чем самое уничтожение турецкого флота.

¹ См. щит № 2.

„Царский престол, коего сила во мнении граждан коренится, отличествовать долженствует внешним блеском... Оттуда внешность властителей народов, оттуда стадо рабов их окружающих“.

Радищев.

Тронный зал

был отделан одновременно с Чесменским тем же архитектором и предназначался для торжественных приемов дворян и „знатных“ иностранцев. Показной, церемониалом скованный быт официального представительства был внешним выражением союза между „короной и подножием ее“. Пышная и многочисленная свита и сложная система придворного церемониала служили целям возвеличения особы самодержца—носителя дворянской власти. Царю, который считался „еще не богом, но уже не человеком“, нужно было уметь принять величественную позу, не итти, а „шествовать“, не сидеть, а „восседать“. Весь распорядок и вся обстановка дворцовой жизни были приспособлены к тому, чтобы:

„Чело надменное вознесши,
Схватив железный скипетр, царь

На громном троне властно севши,
В народе зрил лишь подлу тварь¹.

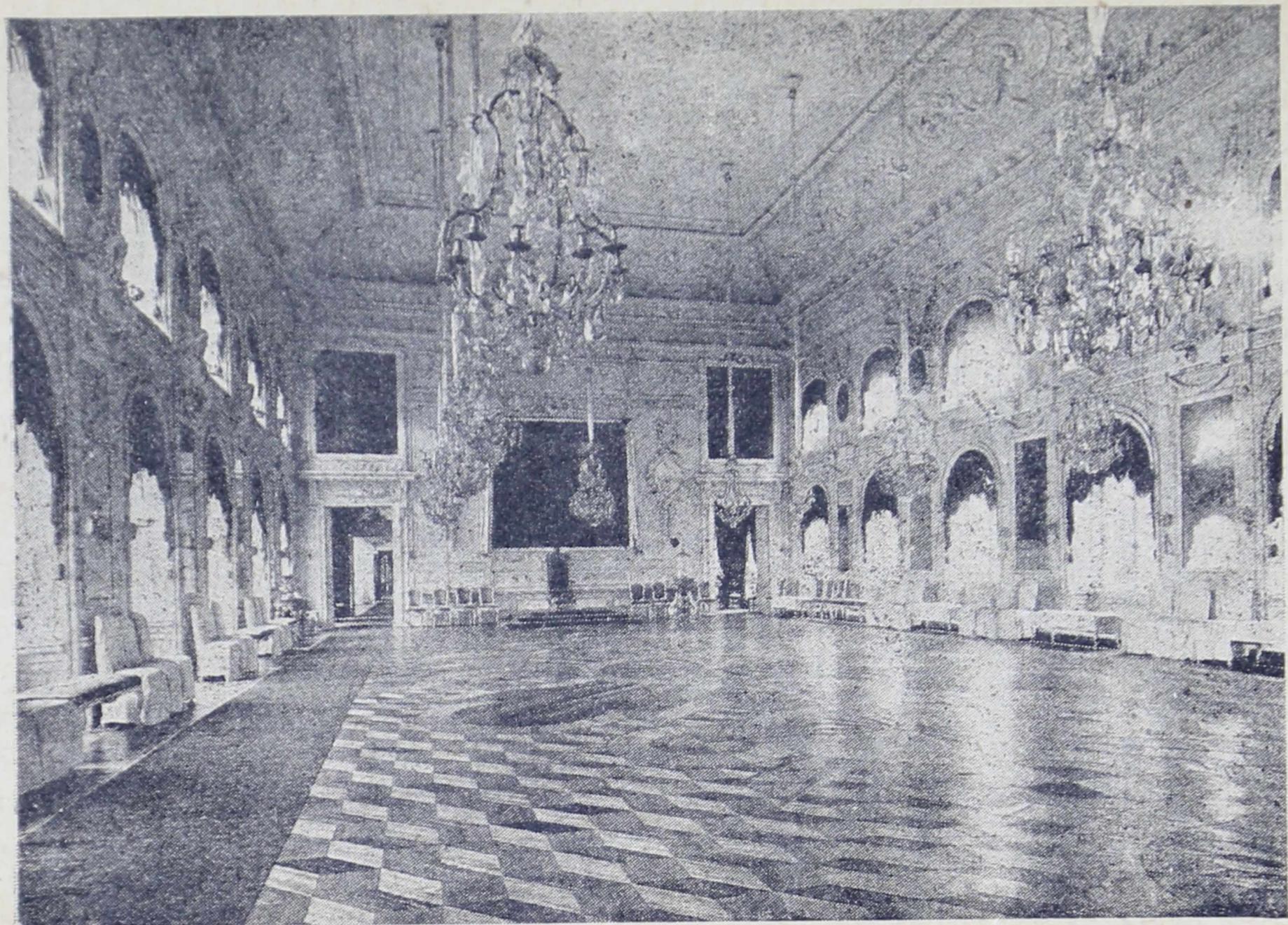
(Радищев „Вольность“).

Тронное кресло, предназначавшееся для особо торжественных выступлений, находится в конце зала на специальном возвышении. Рядом подставка для короны со стеклянным колпаком. Здесь удаивали „жалования к руке“—„имевших счастье“ представляться особ первых пяти классов. Трон окружали чины свиты, эти, по выражению Радищева, „придворные истуканы, кои истинные театральные божки, повинующиеся свистку и трещотке“.

Лепные украшения на стенах изображают „вещи славы“—военные доспехи, а галерея парадных царских портретов подчеркивает особенно важное „государственное“ значение зала. Портреты Бухгольца представляют в рост Петра I, его жену, ставшую позже Екатериной I, Анну и Елизавету. Нарочитая „царственность“ изображений сказывается как в атрибутах власти (корона, скипетр, держава), так и в позе, жестах и костюме этих людей, зараженных своим величием.

Портретное искусство XVIII века было одним из средств агитации за классовое господство. Важна была не подлинность портрета, а социальное положение изображаемого, и художники

¹ См. щит № 3.

Тоонный зал

знали, что „только костюм делает отличными одних людей от других“. Отсюда своеобразное сходство всех портретов вельможного дворянства XVIII века. Отсюда понятно, почему портреты Екатерины II так схожи с портретами Елизаветы, хотя они и не были родственницами. „Семейность“ портрета XVIII века—это его классовое лицо.

Кроме указанных больших портретов по обеим сторонам зала размещены в овальных медальонах портреты ближайших родственников Петра I, утвердившие за этим залом второе его название „петровский зал“. Неослабевавший интерес Романовых к личности „основателя династии“ постепенно принял формы культа. Настойчивость Петра в проведении внутренних реформ и его успехи во внешней политике становились для Романовых все менее достигаемым, но привлекательным образцом, и чем ближе была монархия к вырождению и гибели, тем чаще ее представители обращали взоры к великому прошлому. „Что мы ни возьмем, все от него начало имеет“—эти слова, сказанные на другой день после смерти Петра, любили повторять все последующие русские „самодержцы“.

Это фальшивое низведение большого исторического процесса к личной роли Петра получило в царской России и более широкое распространение, став через посредство школы и печати одним из путей пропаганды монархического начала.

Галерею портретов дополняет большой гобелен (ковер), вытканый по картине художника Штейбена на парижской мануфактуре и присланный Людовиком XVIII Александру I в качестве дипломатического подарка.¹ Следует отметить особенную трудность изготовления такого рода картин, требующего продолжительной, иногда в течение многих месяцев, работы нескольких мастеров. Эта картина передает известную легенду о спасении Петром рыбаков, утопавших в Ладожском озере. Почти религиозное толкование этого события (рыбаки изображены на подобие евангельских апостолов, а Петр, успокаивающий жестом бурю, конкурирует с христом) является лишним примером обожествления носителей самодержавной власти.

Отсутствие изображения Екатерины II, при которой отделялся этот зал, объясняется тем, что ее портрет был убран уже в XIX веке, когда на его место повесили только что отмеченный гобелен. Екатерина II, хвастливо утверждавшая, что лучшее ее изображение — „портреты ее славных дел“, поместила и в этот зал картины на тему русско-турецкой войны: четыре эпизода Чесменского сражения (работы художника Райта) находятся на стене, противоположной „деянию“ Петра.

¹ Картина Штейбена была впервые выставлена в Париже в 1812 году и приобретена Наполеоном. Вторично ее выставили в 1814 году при вступлении в Париж союзников, чтобы „потешить национальную гордость“ русских. В настоящее время картина находится в Амьенском музее во Франции.

„С 6 до 11 часа ея императорское величество с кавалерами забавлялись в карты“.

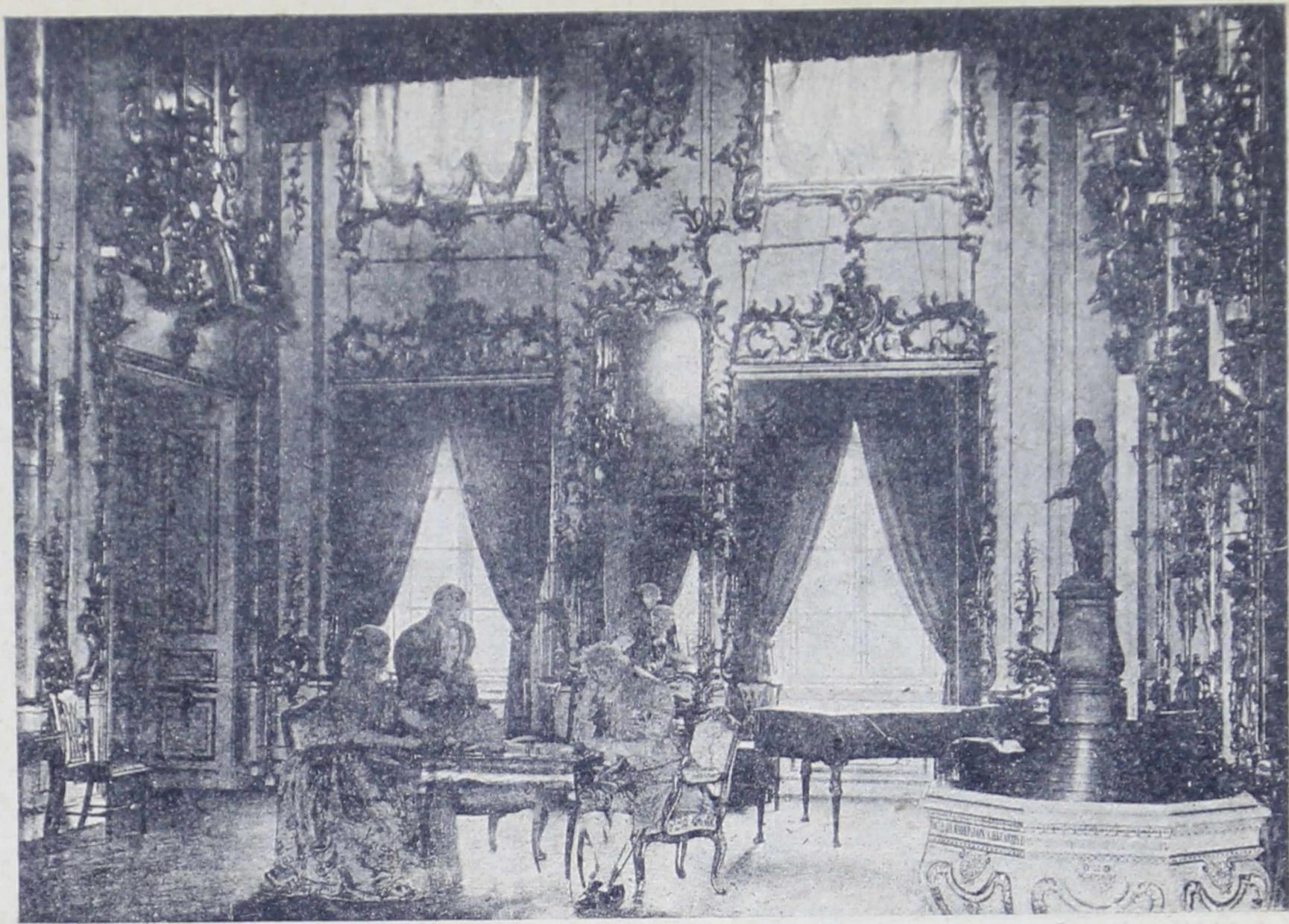
Камер-фурьерский журнал 1772 г.

„Аудиенц-зала“

За тронным залом следует „аудиенц-зала“, сохранившая отделку, исполненную Растрелли. Так же, как и танцевальный зал, эта комната сплошь украшена деревянной позолоченной резьбой и зеркалами. Плафон написан художником Балларини на сюжет поэмы Торквато Тассо ² „Освобожденный Иерусалим“. Особняком стоит модель памятника, сооруженного в Севастополе в 1864 году. Она была поставлена сюда при Александре II и напоминает о роли адмирала Лазарева в осуществлении чрезвычайных забот правительства Николая I о военной мощи черноморского флота. Ближневосточные авантюры Николая I были продолжением завоевательной политики XVIII века, настойчиво стремившейся к полному овладению Константинополем и Дарданеллами.

Расположенные вдоль стен так называемые „пикетные“ столы наборного дерева были исполнены английскими мастерами во второй половине XVIII столетия. Они напоминают о „пикете“, излюбленной карточной игре в придвор-

² Итальянский поэт XVI века.

Аудиенц-зал

ном быту XVIII века. Посреди зала помещен для наглядности макет — группа играющих в карты. Проиграть горсть червонцев, вазу драгоценных камней или несколько деревень было при дворе обычным явлением. Посаженная на престол дворянством, Екатерина поощряла расточительность и крепостнические привычки. Проигрывая за картами огромные земельные участки и закрепощая все новые и новые тысячи крестьян, она оправдывала эту жестокость тем, что „природа“ поместила их „в несчастный класс, которому нельзя разбить свои цепи“.

Состав придворного штата
в 1748 г.

Стол	389 человек
Свита и прислуга	228 ”
Увеселения	73 ”
Церковь	36 ”
Гардероб	23 ”
Медицина	7 ”

Столовый зал

Кроме других увеселений „вельможи упражнялись в повседневных пиршествах“. Съезды ко двору почти всегда заканчивались „знатным“ обедом или „преизрядным“ ужином.

Сложная система обеденных церемоний и самого порядка рассаживания за столом по чинам и рангам „чтоб обид не было“ — превращала придворные обеды в одну из форм парадного представительства. Музыкальное сопровождение делало их еще более шумными и торжественными; за столом пили за здоровье „величеств и высочеств“, при тушах музыканты били в литавры, а гости о фарфоровые тарелки; гвардия же пушечными залпами и барабанным боем „чинила поздравление“.

Демонстративному значению парадных обедов придворная кухня должна была соответствовать изысканным меню. Образцами блюд, подававшихся к царскому столу, могут служить — суп из селедочных щек, приготовление которого на несколько сот человек требовало не одной тысячи сельдей, — или „говяжьих глаза в соусе поутру проснувшись“. Одних супов подавали по пять-шесть смен, так что обеды обычно продолжались много часов подряд и обслуживались специальным штатом, заключавшим более 500 человек поваров, „разных деликатных дел“ мастеров и лакеев. Чтобы за разговорами и церемониями не остывали кушанья, имелись любопытные приспособления — „водяницы“, которые наливались кипятком и помещались под тарелки. А для облегчения пищеварения „знатных“ желудков придворная капелла исполняла во время обедов „итальянские концерты“.

Наряду с заказами за границей колоссальных обеденных сервизов из нескольких тысяч предметов, в середине XVIII века был построен в России первый фарфоровый завод, работавший исключительно на потребу двора. Образцом бесчисленной парадной посуды служит выставленная теперь в столовом зале часть фаянсового сервиза, заказанного Екатериной II английскому заводу Уэджвуд. О баснословном количестве посуды свидетельствуют „ведомости фарфоровой, хрустальной и прочей посуде, оказавшейся в битье и утрате во время высочайшего в Петергофе присутствия“. Так, только за летние месяцы трех лет оказались побитыми и украденными больше 35 тысяч предметов.

Обеды сопровождалась подачей дорогих заграничных вин, потреблявшихся в огромном количестве. На покупку только венгерского вина ежегодно из кабинетских сумм отпускались десятки тысяч рублей. Ведомости ввозившихся в Россию XVIII века и вывозившихся из нее товаров показывают, что главной статьей ввоза были предметы роскоши: фарфоровая и хрустальная посуда, французские вина, кофе, сахар, фрукты. Дворянство пользовалось всем этим за счет вывоза продуктов крепостного хозяйства: хлеба, пеньки, льна, сала, щетины, и воска. ¹

¹ См. щит № 4.

„Всякого звания люди могут приезжать и отъезжать свободно из одного государства в другое, и им дозволено будет продавать и покупать что нужно и вести торговлю.“

Из русско-китайского трактата
1789 года.

Китайский кабинет

относится к немногим комнатам, в основном сохранившимся еще от петровского дворца. Но и эта комната подвергалась значительным изменениям и в отделке и в обстановке.

„Китайщина“ чрезвычайно характерна для всех дворцов XVIII века, а проникновение ее в Россию обусловлено двумя причинами и шло по двум путям — с Запада и с Востока. В Западной Европе и в частности во Франции интерес к Дальнему Востоку возник в связи с вовлечением его в круг интересов торгового капитала, но мода придворной знати на китайские и японские художественные изделия была своеобразным стремлением к „экзотике“, характерным для общества, переживавшего свой исторически неизбежный упадок. Пресыщенные жизнью и искусством, салонные мотыльки французской аристократии охотно обращали свой взор к чудесным и неведомым странам, сулившим новые наслаждения притупившемуся художественному восприятию. Тончайший восточный фарфор стал

расцениваться почти на вес золота, а изделия, украшенные китайскими лаками, успешно конкурировали с наскучившей своей однообразной торжественностью мебелью европейских мастеров.

Наряду с общим подражанием западному дворцовому строительству „китайщина“ явилась в России XVIII века рабским копированием европейской моды. Подобные кабинеты были своеобразными филиалами „кунсткамер“¹ и показывались посетителям дворцов в ряду других редкостей и „курьезов“. Развитию этой моды способствовало и непосредственное знакомство России с Дальним Востоком, уже вполне серьезные попытки русского правительства установить с Китаем торговые сношения. Отправлявшиеся туда посольства получали заказы привозить посуду и другие изделия китайского мастерства для украшения царских дворцов. Однако для этой цели подлинных восточных вещей не хватало и они охотно заменялись европейскими „в китайском вкусе“. Таковы и в этом кабинете голландская печь украшенная якобы китайскими сценами, и изготовленные в Англии стулья.

Политика царской России и в XIX и в XX вв. уделяла большое внимание дальне-восточным делам.

¹ „Кунсткамера“ — хранилище редкостей, прототип музея; в России основана Петром I к началу XVIII века.

Об этом напоминают пополнения китайских кабинетов, происходившие вплоть до самого последнего времени. По другую сторону следующего — картинного зала находится второй китайский кабинет, ничем существенным не отличающийся от первого.

*„Народ, который поет и пляшет —
зла не думает“.*

Екатерина II

*„Продается живописец молодой
человек с женой годной в официан-
ты, лакеи и рекруты“.*

Московские ведомости 1796 г.

Картинный зал,

расположенный на главной оси дворца, открывает панораму Нижнего сада с „Самсоном“ и группой окружающих его фонтанов. Этот зал, один из наиболее пышных по отделке, был своеобразной картинной галереей и предназначался для приема иностранцев.

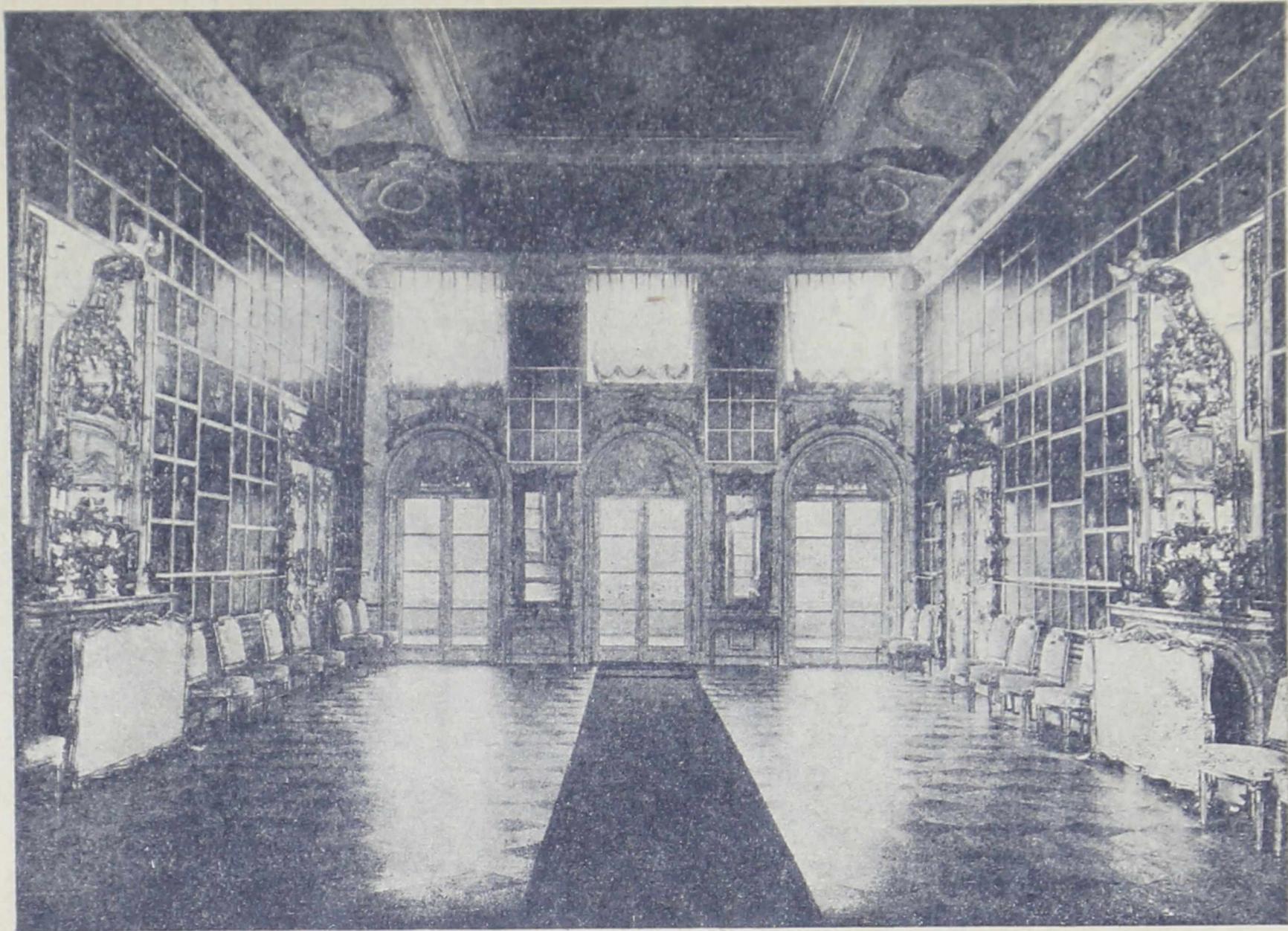
Стены его сплошь украшены коллекцией портретов итальянского художника Ротари, работавшего в России в пятидесятых годах XVIII века. Эта огромная коллекция, состоящая из 368 преимущественно женских портретов, была куплена Екатери-

ной II после смерти художника специально для устройства в Петергофе „кабинета мод и граций“.

Допущение во дворец наряду с горделивыми и напыщенными портретами придворной знати этих изображений представителей низших сословий — было новым и своеобразным явлением. Причина его не только в подражании очередной западной моде, но и в настойчивом желании дворянства и самой „матери отечества“ доказать „внеклассовость“ дворянской власти и процветание страны под скипетром „просвещенной“ монархии. Нежелание замечать темные стороны крепостничества, стремление „грубую“ действительность жестоко - эксплуатируемой страны заменять „изящной правдой“ и „красивой ложью“, — вот социальный заказ искусству, заставлявший живописцев изображать не настоящих нищих и приниженных „мужиков“, а „счастливых“ крестьян в кокетливых позах с пленительными улыбками, а сантиментальных литераторов писать о „трудолюбивом земледельце, стремящемся ликуя к своему плугу, проводящем в радости трудные бразды, как между тем легкий сонм птиц наполняет воздух и леса сладкогласым пением“. ¹

Но идеализация сельской жизни и „сладостной природы“ имела и другую причину, созревшую во

¹ „Экономический журнал“ конца XVIII века.

【Картинный зал】

Франции, где дворянское господство быстро приближалось к крушению. Пресыщенная разнообразными удовольствиями, расслабленная необузданным развратом, придворная знать, наряжаясь в маскарадные костюмы пастухов и пастушек, мечтала о наивной простоте и нетронутости здоровья „чистых сердцем детей природы“. Эта новая мода оказалась занесенной и в Россию, и потому среди портретов Ротари мы можем встретить изображения не только действительно сельских жителей, но и придворных щеголих и модниц, спешивших скромным нарядом и сентиментальной позой оставить потомству приятные улыбки.

Нужно только сказать, что сами художники, выполняя социальный заказ разлагавшегося класса, далеко не всегда разделяли его вкусы и наслаждались миражами, создаваемыми их искусством. И это особенно относится к русским мастерам—выходцам из „подлого“ крепостного звания. Они никогда не были гарантированы от посылки на конюшню или от продажи вместе с семьей, как продавались гнедые лошади или выводки гончих.

Плафон, украшающий этот зал, самый ранний во дворце и был исполнен художником Тарсия в 1726 году. Он развивает уже знакомую нам тему прославления самодержавия. Мужская фигура в пышном царском одеянии, со скипетром в руке и под императорским штандартом, представляет царскую власть, как бы охраняющую все те блага, которые олицетворены предстоящими фигурами—торговли, правосудия, военного могущества.

*„Прохладная страна! места прё-
узорочны!*

*Где с шумом в воздух бьют стре-
мленья водоточны...*

*Где спорят меж собой искусство
и природа*

*В лесах, в цветах, в водах, в не-
бесном блеске свода“...*

Державин. „Петергоф“.

Балкон,

прилегающий к картинному залу, выходит в Верхний сад, центральная часть которого украшена фонтанной группой „Нептуна“ и обширными цветниками, восстановленными по рисункам XVIII века в 1927 году.

Парки XVIII века были необходимым дополнением увеселительных дворцов; их планировка и подстрижка выполнялась первоклассными мастерами, и показанные на выставке образцы фигурной подстрижки деревьев и кустов напоминают нам о своеобразии французского паркового искусства. Заботы об украшении парков объяснялись тем, что последние были непосредственным продолжением дворцовых зал, что в них протекала значительная часть придворных увеселений; французская садовая терминология XVIII века подчеркивала это, именуя цветники — коврами, аллеи — корридорами, пруды и озера — зеркалами.¹

¹ См. щит № 5.

За Верхним садом далеко тянется фонтанная система, подающая воду из расположенных за двадцать с лишним верст богатых источников.

„Сею Леблону принять приятно и по контракту довольствоваться, понеже сей мастер из лучших и прямо диковиною есть“.

Из письма Петра I, 1716 г.

Кабинет Петра I

замечателен сохранившейся отделкой стен. Украшающие их резные дубовые доски (панно) были исполнены по рисункам архитектора Леблону скульптором Пино, одним из лучших мастеров того времени, приехавшим из Франции вместе с Леблоном. Главный их интерес не в сюжетах (четыре времени года, военные доспехи, охотничьи принадлежности и т. п.), а в поразительной технике резьбы и в мастерском и смелом сочетании самых неожиданных линий и форм.

Это изысканное французское искусство мало вязалось с полуазиатской сущностью русского дворцового быта в начале XVIII века. Но искусство, как одно из наиболее ярких внешних выражений иноземной культуры, особенно охотно воспринималось русским дворянством, а в первую очередь царем, и было

использовано в целях „представительства“ перед своими и иностранными гостями.

Спальня и Диванная

Стены этих комнат затянуты старым китайским шелком с живописными изображениями процессов изготовления китайцами фарфоровой посуды. В свое время эта живопись представляла не только художественный, но и производственный интерес.

В середине XVIII века обе эти комнаты составляли одно целое и являлись парадной спальней, при чем кровать находилась в проходе, соединяющем оба помещения, и следы от ее спинок еще сохранились на стенах. Наличие этой явно нежилой, официальной спальни в проходном коридоре парадных комнат и зал—объяснялось подражанием французскому придворному быту. Возвеличение особы „самодержца“ граничило с курьезами. Каждый царский жест, каждый акт простой жизненной необходимости считались делом государственной важности. Вставание с постели, отход ко сну, физические отправления „величества“ сопровождались сложной системой церемоний и требовали существования таких, например, должностей, как смотритель царской ночной посуды или хранитель нижнего белья.

Деревянная ширма в готическом (якобы „турецком“) вкусе скрывает огромный восточный диван, мода на которые была в России введена фаворитом (любовником) Екатерины II Потемкиным после за-

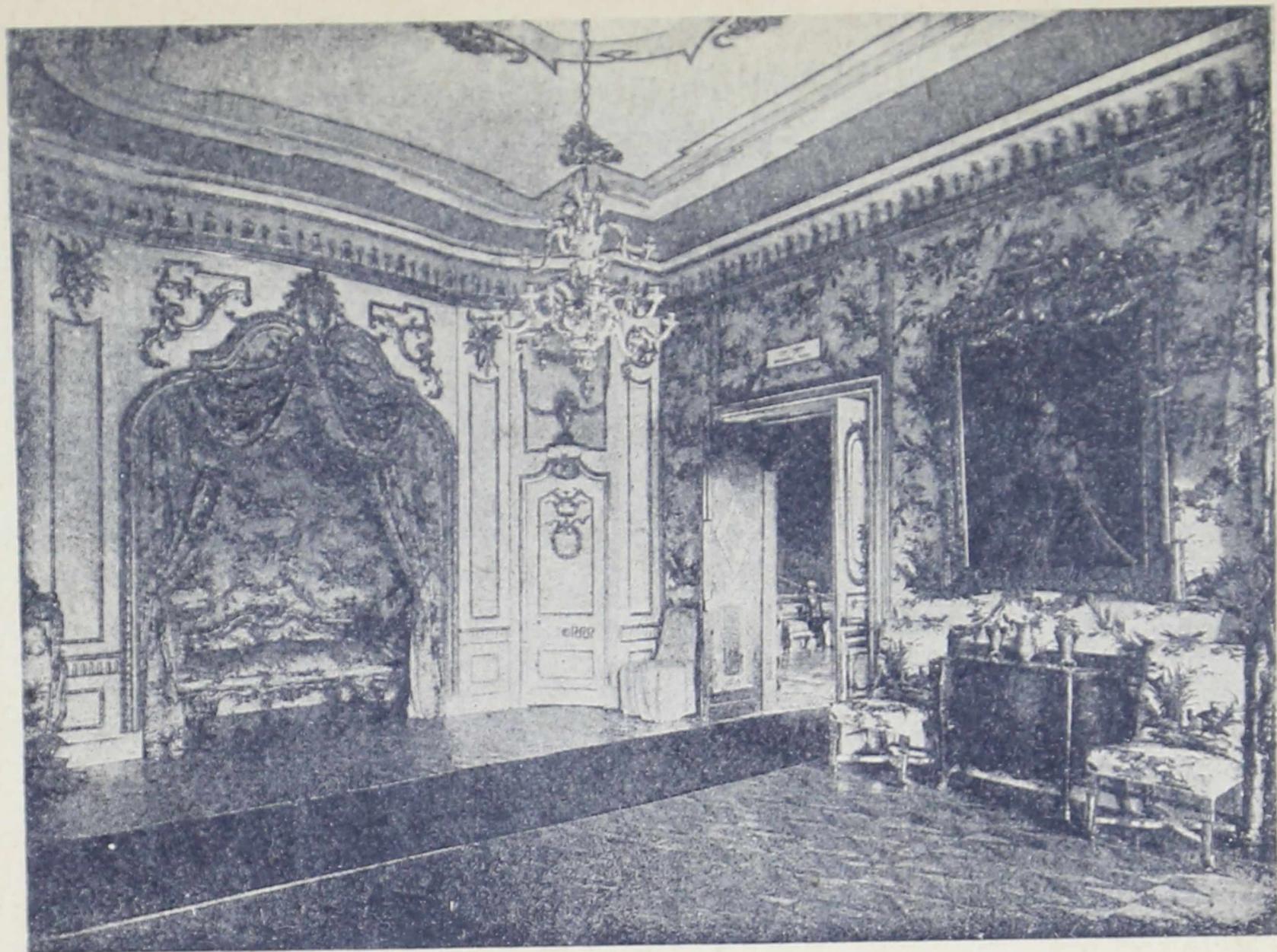
воевания Крыма. Этот „турецкий“ уголок служил во дворце своеобразным и не единственным трофеем завоевательной политики дворянской монархии. Над диваном висит портрет Елизаветы, условно изображенной ребенком в виде богини; в руке у нее медальон с портретом отца.

„Нос кривоватый можно и должно исправить, всяк должен быть одет по рангу, в художествах лишь сие различает одного человека от другого“.

Из руководства живописцу XVIII в.

Гостиная

Налево за шнуром остается гостиная, затянутая шелком с изображением куропаток, вытканым по рисунку художника Лассалья на московской фабрике Сапожниковых, одной из первых ткацких фабрик. Обветшавшая обивка этой комнаты была возобновлена в самое последнее перед революцией время. На стене — копия с портрета Екатерины II шведского художника Рослена. Окружив ее всеми атрибутами власти, художник однако с необычным для парадного портрета сходством передал лицо уже немолодой импе-

Гостиная

ратрицы. Не потому ли Екатерина неодобрительно отзывалась об этом портрете и жаловалась, что Рослен сделал ее похожей на „шведскую кухарку“?

„Роскошь в одеждах все пределы превзошла: парчевые, бархатные с золотом и серебром платья, и те в таком количестве, что часто гардероб составлял почти равный капитал с достатком“.

Щербатов. „О повреждении нравов в России“.

Туалетная

Нарочитая пышность костюмов и туалета, поглощавшая крупные средства, нередко из государственной казны, должна была способствовать возвеличению как особы самодержца, так и всего вообще дворянства. „Человек делался почтенен по мере великолепия его жилища и уборов“. Но за внешностью всех этих „роскошеств“ скрывалась по существу внутренняя некультурность „благородных“.

Так одна из императриц (Анна) не могла заснуть без того, чтобы не выслушать на сон грядущий какого-нибудь страшного рассказа про разбой-

ников, и для таких повествований в придворном штате существовали особые царские сказочницы. Другая (Елизавета)—к важным государственным делам относил указы о закупке за границей „уборов дамских и мушек“ или „чулок нового фасону“ к своему и без того непомерно разросшемуся гардеробу, заключавшему более 15 тысяч платьев.

Духоту тяжелого воздуха „от много стесняющихся людей“ и от отсутствия во дворце благоустроенных уборных—усиливали ароматы курильниц и крепкие духи. Ежедневно смотритель дворца был озабочен „о чистоте нужников, чтоб вони не было в больших палатах“. Ежедневно назначаемые в наряд 25—30 человек ассенизаторов едва успевали очищать специальные шкапы и сундуки, заменявшие уборные. Здесь можно видеть один из таких шкапчиков, замаскированный прекрасной наружной отделкой.

„Не соблюдая чистоты в рассуждении тела, белья и постелей, не содержа покоев в чистоте—состоялся способ заводиться блохам“. Так современник характеризует дворцовый быт XVIII века. Среди различных мероприятий по борьбе с насекомыми обращает на себя внимание блохоловка. В одном из современных руководств по туалету этот инструмент описывается так: „небольшие трубочки со многими дырочками, снизу запертые, а сверху отверстия, в которые ввертывается ствол намазанный кровью, медом, сиропом или по-

добной липкой жидкостью, к которой блохи льнут, когда по прихотям их гоняются за сладкостью".¹

Среди украшающих стены портретов (Екатерина I, Екатерина II — копия с Ротари и Елизавета — работы Ван-Лоо) особенно интересен портрет почти 60-летней старухи Елизаветы. Исполняя волю коронованного заказчика художник не дерзнул дать действительное изображение Елизаветы того времени, подчеркнув ее годы лишь условно морщинами на руках. Этот портрет любопытен также и тем, что писался заочно. Художник никогда не видел Елизавету и писал не столько лично ее, сколько отвлеченно „императрицу всероссийскую“.

На столе под портретом Елизаветы находится зеркало в серебряной раме работы французского мастера Жермена и фарфоровый туалетный прибор, изготовленный в XIX веке по образцам XVIII-го.

Кабинет

Начиная с туалетной небольшие комнаты, украшенные резными золочеными наличниками дверей и обитые цветными шелками, были проходными.

В последующее время они неоднократно подновлялись и ремонтировались. Но несмотря на это

¹ См. щит № 6.

в них сохранился ряд вещей XVIII века. В кабинете особенно любопытны овальный столик и бюро наборного дерева, работы известного мастера второй половины XVIII века Рентгена.

Мебели елизаветинского времени вообще сохранилось очень мало. Во время частых переездов двора мебель перевозилась с места на место и при тогдашнем бездорожье ломалась и портилась. Поэтому особенно ценны те немногие сохранившиеся образцы мебели, которые находятся в этой и следующих комнатах.

На стене противоположной окнам висит портрет Екатерины II (копия с Торелли), изображенной в бриллиантовой короне. Большой камин с зеркалом в грузной фарфоровой раме сделан уже много позже при Николае I, когда эта комната получила свое теперешнее название. В XVIII веке неофициальная, „интимная“ часть дворцовой жизни протекала во внутренних комнатах, которые находились в восточном флигеле дворца, переделанном заново в середине XIX века для дочери Николая I Ольги.¹

В последующее время эти комнаты восточного флигеля только по традиции сохраняли название Ольгинской половины. Отвечая европейским требованиям комфорта больше, чем другие дворцовые помещения, они уже при Николае I стали придворной гостиницей, летним местопребыванием для знатных иностранцев. Многочисленная немецкая родня и предста-

¹ О переделке комнат восточного флигеля см. стр. 23. Эти комнаты осматриваются отдельно от „парадной“ части Большого дворца-музея.

вители западно-европейских монархий, приезжавшие с дипломатическими поручениями или на семейные торжества Романовых, — останавливались в этих комнатах. Это назначение Ольгинской половины сохранялось и позже. Наиболее частыми гостями были немцы и французы. Но наряду с Вильгельмами I и II, Карно, Феликсом Фором, Лубе и Пуанкаре — встречаются имена Христиана IX датского, итальянского короля Гумберта, представителей всех балканских государств, ханов Хивы и Бухары, персидского шаха и даже бразильского императора. А последним гостем был Пуанкаре летом 1914 года накануне войны.

Наличие Ольгинской половины среди других помещений Большого петергофского дворца интересно прежде всего тем, что представленное в парадных залах дворцовое строительство XVIII века она продолжает далеко вперед и доводит вплоть до наших дней, создавая на небольшой территории дворца прекрасную иллюстрацию к одной из любопытнейших страниц двухвековой истории материальной культуры господствовавшего класса.

Но главный интерес представляет знаменательный подбор западно-европейских дипломатов, прошедших длинной, но однообразной вереницей через Ольгинскую половину. Коронованные немцы и некоронованные, но не менее любезно принимаемые французы. От Вильгельма, будущего первого германского императора, частого и желанного петергофского гостя, — до торжественных встреч президентов дружественной республики. Это было представлением в лицах русской внешней политики, ее длительных колебаний между французским капиталом и политически и семейно-родственной германской империей. Эти колебания особенно выпукло сказались в 1897 году, когда пребывание Фора было отделено только двумя неделями от приема Вильгельма II; любопытно при этом, что на прием Фора истратили в несколько раз больше, чем на прием германского императора. Но даже в 1914 году, за месяц до решительного визита Пуанкаре, приезжал с дипломатической рекогносцировкой саксонский король. Французский денежный мешок перетянул и Россия была брошена в мировую войну.

Своеобразная история восточного флигеля дворца позволила развернуть здесь на фоне историко-бытового памятника выставку на тему „Царские долги и СССР“. Выставка рисует историю царских займов, рост экономической зависимости царской России от западно-европейского капитала, роль последнего в империалистической и гражданской войне, капиталистическое окружение СССР и отношение советского правительства к вопросу об уплате царских долгов. Выставка может быть рекомендована для осмотра после „парадной“ части Большого дворца-музея.

Малая проходная

Следующая за кабинетом комната в XVIII веке особого назначения не имела. Позже она была предназначена для помещения знамен и почетного караула гвардейских полков, находившихся в Петергофе, и тогда же получила новое название „штандартной“. Старую обивку стен заменил золотисто-желтый фабричный шелк под цвет романовского штандартфлага, который поднимался на специальном столбе у дворца.

В последнее время обивка этой комнаты была заменена лионским шелком XVIII века, исполненным по рисункам художника Лассалья.

*„По прибытии в покой кавалерской
ее величество изволила жаловать
к руке гвардии обер офицеров кото-
рые пришли с командою на караул“.*

Камер-фурьерский журнал 1774 г.

Кавалерская

В этой комнате обыкновенно принимались и „жаловались к руке“ придворные кавалеры и „господа генералитет“. А всего чаще удостоивались этой „милости“ офицеры тех гвардейских полков, которые летом стояли в Петергофе и несли дворцовые караулы.

Гвардия пользовалась в XVIII веке исключительными привилегиями. Как вооруженный авангард дворянства, она стояла на страже его интересов и была настолько реальной силой, что „самодержцам“ приходилось всячески ее ублажать и даже заискивать перед ней. Уже в день смерти Петра I гвардия категорически заявила свое право на решение вопроса о престолонаследии. Екатерина I заняла престол, фактически ставший с этого момента „выборным“.

Роль гвардейского штыка, как своеобразного „избирательного бюллетеня“, особенно отчетливо выявилась при воцарении в 1741 году Елизаветы и в 1762 году Екатерины II. Императорский престол

замещался по указанию гвардии и недаром Елизавета ночь накануне переворота провела в казармах Преображенского полка, а Екатерина, прибыв из Петергофа в столицу, прежде всего явилась в Измайловские казармы. Однако, при таком способе воцарения „самодержцы“ постоянно дрожали за власть и жизнь. По свидетельству современника, Елизавета была „в постоянном страхе и редко проводила два дня в том же месте“. ¹

Для истории Петергофа особенно интересен переворот 1762 года. В петергофском уединении, в тиши скромных монплезирских комнат ² Екатерина готовилась свергнуть Петра III. Отсюда рано утром 28 июня она отправилась в Петербург, чтобы в тот же день, объявив себя императрицей, выступить с гвардией обратно в Петергоф против засевшего в Ораниенбауме Петра. Уже на следующий день фактический захват власти был оформлен „согласием“ Петра, и в письме из Петергофа новая императрица спешила дать отчет одному из действительных руководителей переворота „любезноверному генералу аншефу Петру Панину“:

„Со вчерашним куриером мы вас уведомили о благополучном нашем возшествии на престол все-

¹ См. щит № 7.

² В этих комнатах теперь развернута выставка, подробно рисующая переворот 1762 года.

российской, а ныне даем знать, что бывший император сам собственным своим поводом на всегда отказался от престола в империи нашей, в чем нам и торжественное удостоверение своеручное письменно дал, которое в печать всему свету скоро издано будет для объявления“.

Но и „своеручное“ письменное удостоверение не считалось достаточной порукой безопасности бывшего императора и заточенный в Ропше Петр через несколько дней был убит гвардейцами в умышленно затеянной пьяной драке. Официальное сообщение изумительного по наглости манифеста приписало смерть Петра III „прежестокой колике“, случившейся от геморроя, и настойчиво рекомендовало подданным эту „нечаянную“ смерть принимать за „промысл божественный“.

Каждый дворцовый переворот сопровождался щедрыми наградами не только непосредственным его участникам, но и всему дворянству. Путем „милостей“ ставленники дворянства спешили укрепить свое положение. В 1762 году как из рога изобилия посыпались чины и титулы, деньги и поместья, а гвардейские солдаты „в награждение за верную и усердную службу при вступлении ее величества на престол“ получили единовременно 335 тысяч рублей. Впоследствии ежегодно день воцарения Екатерины торжественно праздновался в Петергофе с церковным парадом, многочисленными салютами, парадным обедом и неизменным пожалованием на армию „немалого числа денежной суммы“. Находилось много и

других предлогов для одаривания гвардейцев, например именинные и крестинные им подарки, составившие за все царствование Екатерины II солидную сумму в миллион с лишним рублей.

Смысл дворцовых переворотов XVIII века заключался в подборе монархов угодных для господствовавшего класса, в расширении экономической базы и укреплении политической власти дворянства. Правда, в первой половине XVIII века интересы общей массы дворян не раз отступали перед господством западно-европейского капитала над внешней и внутренней политикой России; еще на пути вельможного дворянства к власти лежал разорванный Анной проект конституции, — но конечной целью этого процесса было окончательное закрепление дворянской „вольности и свободы“ и рабской нищеты крестьян. „Царствование“ Екатерины II, результат переворота 1762 года, оказалось развернутой системой крепостничества. За эти тридцать лет было роздано шесть миллионов десятин земли и миллион душ крепостных.

В убранстве этой комнаты, наряду с типично-парадным портретом Елизаветы (копия с Токкэ), особенного внимания заслуживает портрет Петра I работы Амикони, изображающий рядом с Петром богиню государственности и войны Минерву, а над ним амура держащего корону. Эта аллегория политических успехов Петра подчеркнута разбросан-

ными у его ног книгами военных регламентов, планом укреплений, пушкой и литаврами, а слева на заднем плане морем с кораблями.

Украшающая комнату огромная изразцовая печь елизаветинского времени является укоренившимся в дворцовом быту XVIII века пережитком увлечений Петра I Голландией.

„С получением известия о злодейском умерщвлении короля французского ее величество слезла в постель“.

Дневник секретаря Екатерины II Храповицкого, 1793 г.

Большая гостиная

Расцвет русского крепостничества во второй половине XVIII века был нарушен двумя событиями. „Пугачевщина“ потрясла основы дворянского государства и в течении многих месяцев держала правительство в паническом страхе. Крушение дворянского господства во Франции — первый прорыв общедворянского фронта, развеяв иллюзию богоустановленности старого порядка, — вновь заставило русских крепостников дрожать за свою шкуру.

Революция, упразднившая феодальные права и свергшая династию Бурбонов, вызвала бешеную

ненависть всеевропейской контр-революции, к которой присоединилась и царская Россия. При первом известии о „безбожных и возмутительных“ происшествиях во Франции, русское правительство поспешило принять решительные меры против проникновения революционной заразы. Екатерина в бессильной злобе называла буржуазное Национальное Собрание „гидрой о 1200 головах,“ а принятую им конституцию не иначе, как „антихристовой“.¹

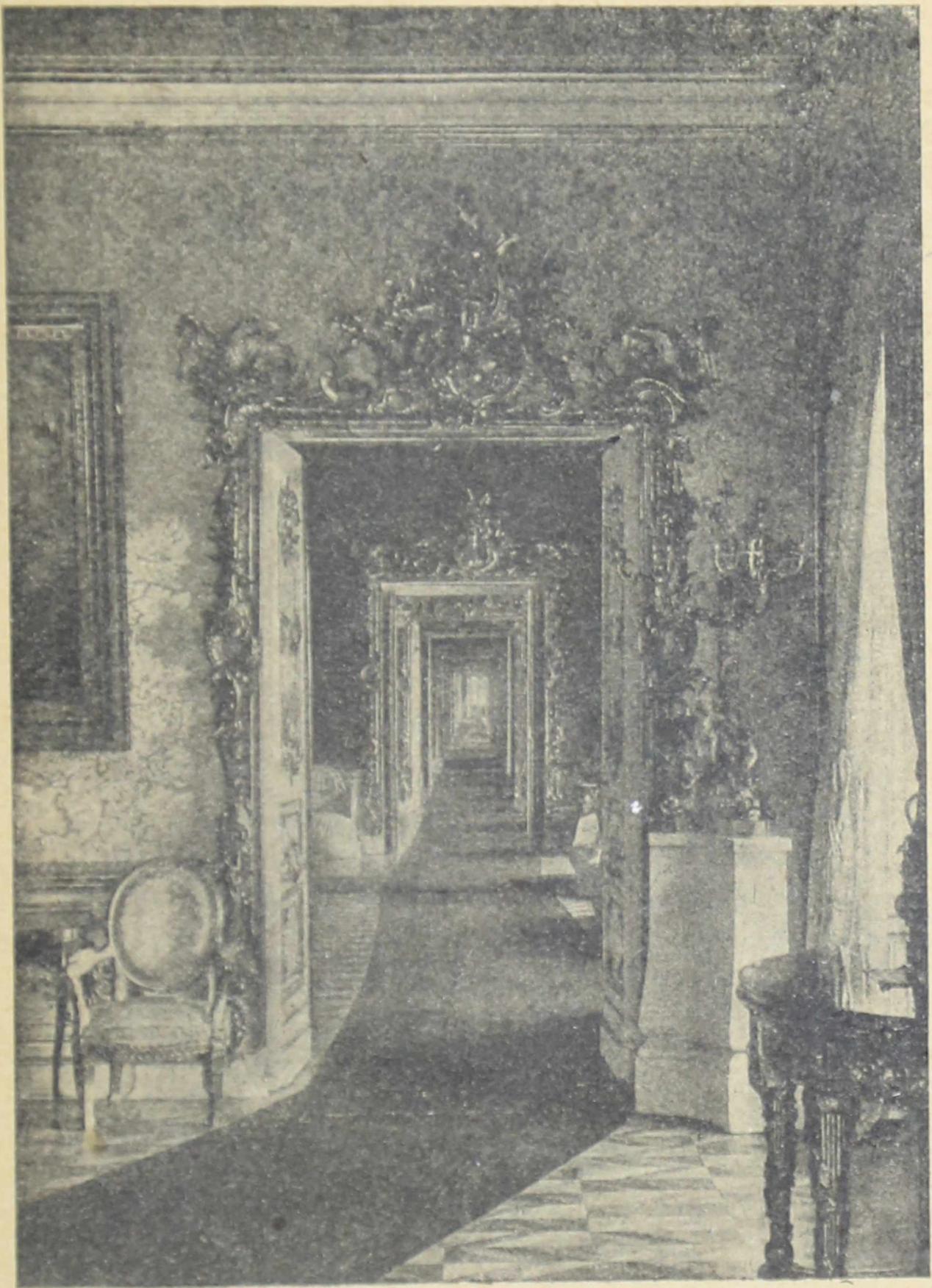
Классовая солидарность дворянства особенно отчетливо проявилась в сочувствии и поддержке, которыми пользовались в царской России французские эмигранты. Сердце русской императрицы „обливалось кровью“ за дворян, „изгнанных из отечества, но верных своему королю“. Твердо помня, что „раз не будет дворянства, не будет и монархии“, Екатерина поощряла эмигрантов „милостивыми“ письмами и денежными субсидиями, охотно принимала их на русскую службу и даже предоставила им значительные земли на юге России. Что же касается менее родовитых французов, оставшихся в России или желавших приехать, то они обязаны были под присягой заверять свою непричастность к революции „ни делом, ни мыслию“, казнь короля „почитать сущим злодейством“, а с „одноземцами“ своими французами порвать всякое сношение и „оного сношения не иметь, доколе не последует на то ее величества высочайшее разрешение“. С пылким усердием при-

¹ См. щит № 8.

нялись за искоренение отечественного „свободомыслия“: либеральные рассуждения Радищева и Новикова были квалифицированы, как „рассевание заразы французской“, а авторы наказаны долголетней ссылкой и тюрьмой.

Но борьба с революцией этим не ограничилась и русское самодержавие сочло необходимым активно вмешаться во французские дела для восстановления монархии, полагая, что „сие дело есть дело всех королей“. Екатерина не только „плакала и убивалась“ о казненном короле, но приняв участие в экономической блокаде революционной Франции, мечтала послать туда казаков для наведения порядка. Этот военный поход против Франции был осуществлен в самом конце XVIII века при ее приемнике Павле I. А пятнадцать лет спустя царская Россия во главе реакционных сил Европы разгромила буржуазную монархию Бонапарта и восстановила власть Бурбонов.

Французская революция заставила общую массу русских дворян еще теснее сплотиться вокруг трона и еще настойчивей цепляться за свое господство. Но расцвет дворянской монархии закончился. И если Радищев предвосхитил освободительное движение XIX века, то один из екатерининских вельмож (Воронцов) оказался столь проницательным, что за сто с лишним лет предвещал русскому дворянству зло-

Анфилада из Большой гостиной

вещую судьбу „висеть на фонарях“ или, в лучшем случае, торговать ситным.

Среди портретов, находящихся в этой комнате, наряду с интересным по костюму большим портретом Екатерины II (копия с Эриксона), следует отметить портреты тех Романовых, которые были современниками французской революции: старуха Екатерина II (копия с Шебанова), Павел (копия со Щукина) и его жена Мария Федоровна (копия с Лампи).

„Противников нашей власти, возмутителей империи и разорителей крестьян — ловить, казнить и вешать“.

Манифест Пугачева 1774 г.

„Спаси господи благородное сословие“.

Из молитвы 1774 г.

Малая гостиная

Заканчивая осмотр дворца, необходимо вспомнить о крепостном хозяйстве, на котором держалось благополучие дворянства, величие и роскошь дворянской монархии. Господствовавшему классу принадлежали все экономические и политические блага; только „благородные“ освобождались от личных податей, только они располагали правом покупать

земли и деревни, иметь в них фабрики и заводы, продавать, что в деревнях родится или рукоделием производится.

Государственные налоги России в XVIII веке неуклонно росли, ложась все более невыносимым бременем на податные сословия и в первую очередь на многострадальное крепостное крестьянство. Этот единственный производящий класс имел много обязанностей, но не имел никаких прав. „Помещик в отношении крестьян есть законодатель, судья, исполнитель своего решения и пожеланий, истец, против которого ответчик ничего сказать не смеет... Се жребий закованного в узы, се жребий заключенного в темницу, се жребий вола в ярме“. Но эти вольнолюбивые рассуждения Радищева были одиноким голосом, терявшимся в потоке восхвалений существовавшего порядка.¹

Доходы от дарового крестьянского труда шли на паразитическое существование дворян, на роскошь императорского двора, на армию для ведения хищнических войн, на огромный бюрократический аппарат для выколачивания все новых и новых доходов. Немало денег поглощало дворцовое строительство и прав был другой вольнодумец XVIII века Новиков, предлагавший надпись на дворянские палаты:

¹ См. щит № 9.

„Щедротами великой Екатерины,
Но разорением России.“

Смелые, но одинокие выступления в защиту угнетенных против насилия и произвола были обречены на неуспех и замирали в тюрьмах и ссылках. Несравненно убедительней и грозней прозвучал в 1773 году протест выведенных из терпения народных масс. Восстание уральских горно-рабочих, казаков и крестьян, которым руководил Пугачев, расширилось с необычайной быстротой и грозило самому существованию дворянской империи. Оно шло под лозунгами вольности и свободы, освобождения от всех податей и „отягчений“, безвозмездной передачи крестьянству земли и уничтожения дворян.

Велико было смятение дворян и „первой помещицы“ Екатерины. Не надеясь на армию, она предлагала дворянству вооружать „надежных“ людей „для общей от злодеев обороны“, предвосхищая идею белогвардейщины нашего времени. И после беспощадного подавления восстания — память о нем не переставала смущать дворянскую власть. Против непрекращавшейся опасности революционного движения царское правительство мобилизовало все свои силы, все средства классового насилия. Среди них, наряду с армией и полицией, важная роль принадлежала государственной церкви.

Из портретов этой комнаты — Петра I (копия с Люддена), Марии Федоровны (копия с Рокотова) и Петра II (копия с Натье) — только последний дополняет просмотренную нами коллекцию царских портретов.

Открытая галерея, ведущая в дворцовую церковь, удлиняла в XVIII веке церемонию торжественного шествия по анфиладе парадных зал.

„Народ, чтущий царя, чтит чрез сие бога, потому что царь есть устроение божие. Худой гражданин царства земли и для небесного царства негоден“.

„Цветник духовный“ XVIII в.

Церковь

Вскрыть дореволюционную роль церкви, это значит выяснить экономическую базу, на основе которой церковь верой и правдой служила помещичьему государству, и проследить разнообразные пропагандистские средства, при помощи которых она обрабатывала народные массы. Это значит кроме того отчетливо представить себе основные задачи, которые господствовавший класс ставил перед церковью: возвеличение дворянской власти через обожествление монархии, оправдывание хищнической внешней политики и активная борьба с революционным движением внутри страны. По этому плану и построена выставка в церкви петергофского дворца-музея.

Само помещение для выставки, являясь яркой иллюстрацией служебной роли церкви и убедительным примером обожествления монархии, помогает

раскрытию поставленных перед выставкой тем. Церковь петергофского дворца была построена архитектором Растрелли в середине XVIII века одновременно с перестройкой и расширением дворца. Предназначенная для придворных богослужений, она своей блестящей и легкомысленной отделкой как бы конкурирует с дворцовыми залами. Резные золоченые украшения, повторяющие декорацию танцевального зала, и хороводы амуров на иконостасе, на стенах и в куполе — резко противоречат каноническим правилам. Эта коллекция большеголовых уродцев, пляшущих и играющих с предметами религиозного культа, должна была радовать глаз и убажывать изнеженный вкус придворных „богомольцев“. Тот же характер имеют некоторые иконы; среди них особенно интересны изображения архангела Михаила в виде оперного героя, одетого в короткую юбочку-накидку и в шлеме со страусовыми перьями, и „саваофа“ на подобие московского царя XVII века.

Но еще любопытней как эта церковь была приспособлена к приему того, кто в дворянском государстве XVIII века „якобы изображал всевышнего“. Раболепное отношение к царю, бывшему по воззрениям XVIII века „еще не богом, но уже не человеком“, подчеркнуто отсутствием амвона (возвышения перед алтарем) с тем чтобы поп ни на один вершок не стоял выше царя; а в иконостас над царскими воротами и даже выше распятия вделаны эмблемы монархии — царские вензеля под короной.

В действительности эта церковь и была частью парадного увеселительного дворца, а происходившие здесь религиозные церемонии были крепко спаяны с дворцовым бытом. Они наравне с другими празднествами и увеселениями были одной из форм представительства и демонстрации классового господства. Высшее духовенство наравне со „знатными обою пола персонами“ присутствовало на всех дворцовых торжествах, принимало участие в приемах и парадных обедах, получало чины и ордена, золотые и бриллиантовые кресты и другие знаки отличия. Бытовое сращение „сановников церкви“ с придворным дворянством заходило так далеко, что один архиерей при Павле I был награжден даже генерал-адъютантскими аксельбантами.

Самая отделка церкви лишней раз подчеркивает назначение всех видов искусства, служивших во дворцах XVIII века для пропаганды могущества и незыблемости дворянского господства. До XVIII века почти все русское искусство было религиозным и служило для церкви одним из средств идеологического воздействия на массы. В XVIII веке искусство стало освобождаться от монополии церкви, но эта последняя не желала лишаться пропагандистского средства и сумела, опираясь на практику прошлого, использовать для своих целей и новое светское искусство.

Материальная база церкви и ее пропагандистские средства

Вместе с укреплением дворянской монархии российская православная церковь получает в XVIII в. новую систему управления и становится одним из ведомств государственного полицейско-бюрократического аппарата, а духовенство превращается в „духовную команду“. Для того чтобы оценить социально-политическое значение церкви необходимо остановить внимание на ее экономической базе. За

службу господствовавшему классу церковь получала в награду огромные богатства. В половине XVIII века на церковной земле сидело более миллиона крепостных „душ“. Из них монастыри имели 560 180 душ, соборы и церкви 35 000, архиерейские дома 132 940 душ и т. д. ¹

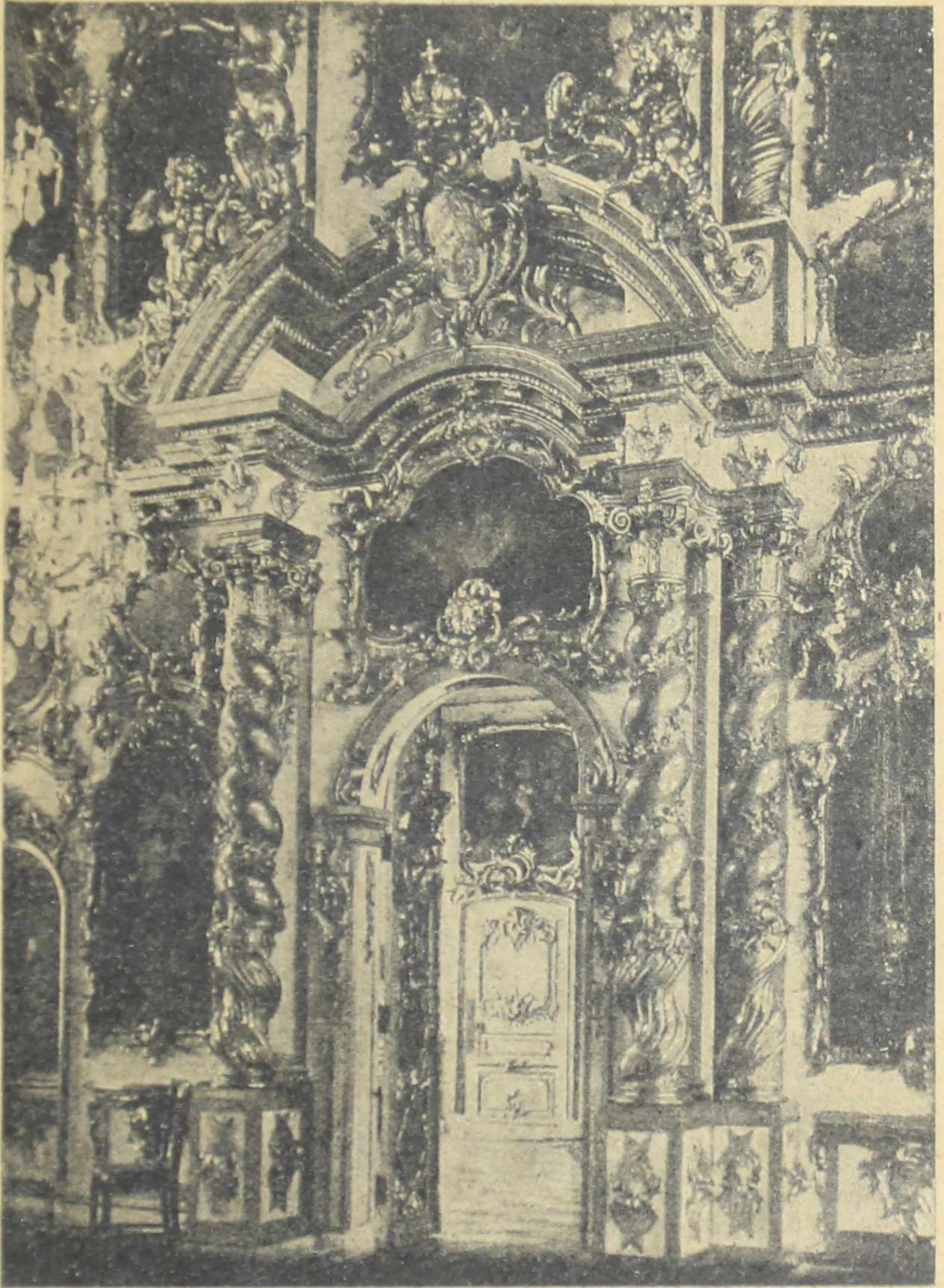
Процесс роста церковной собственности происходил посредством денежных вкладов и дарственных и жалованных грамот на владение землей и крепостными, с различного рода привилегиями, предоставлявшими церкви право заниматься оптовой торговлей, откупами и пр. Церковные земли были освобождены от земельных налогов и других сборов и земельное богатство церкви неуклонно росло. Церковь никогда не лишалась эксплуататорских привилегий: ее многочисленные денежные богатства оставались в полной неприкосновенности, происходившие же иногда отчуждения церковных имений для нужд казны не отражались на росте церковного землевладения, которое к концу XIX века выражалось цифрой в 3 000 000 десятин. Царское правительство ценило заслуги церкви и проявляло всяческие заботы о дальнейшем укреплении экономической базы церкви, как орудия самодержавно-полицейской диктатуры.

Государственные обязанности церкви были весьма обширны и охватывали все стороны народной жизни. Безудержный на протяжении 200-летия рост „просветительного“ аппарата церкви был связан с задачей воспитания масс в духе „благонравия“ и преданности основам существовавшего государственного порядка. ²

Организационным центром „воспитания“ народа и борьбы с революционным движением был „святейший правительствующий

¹ См. щит № 1.

² См. щит № 2.

Церковь

синод" — совет генералов в рясах. Синод командовал и направлял деятельность основных орудий духовного влияния: печати, школ разных типов, духовной администрации в армии и пр. Массовая агитация осуществлялась путем проповедей, поучений, особых молебствий, специальных молитв по „текущим политическим кампаниям“, листовок и пр.

И понятно почему со стороны власти прилагалось не мало стараний к постройке, за счет извлеченных из народного кармана средств, многочисленных церквей и монастырей; в конце XIX в. строилось ежегодно до 1 000 этих очагов идейной заразы, в которых „стадо христово“ в течение 123 праздничных дней в году подвергалось агитационно-пропагандистской обработке.

„Обожествление“ монархии

Теория „божественного“ происхождения и потому вечности царской власти так же стара, как союз религии и эксплуатации труда. В России „обожествление“ самодержавия началось еще в московском государстве, но особенное развитие оно получило за последние 200 лет в так называемый „императорский период“.

Упразднение патриаршества сделало Петра I совместителем светской и духовной власти, „блюстителем церковного благочиния“ через посредство бюрократически-организованного синода. А поскольку царь „устроен на земле богом по образу своего единоначалия“ и повиноваться царю „не токмо за страх, но и за совесть сам бог повелевает“, постольку его власть распостранялась и на служителей церкви. А отсюда было недалеко и до утверждения Екатерины II, что для епископов воля монарха

„должна быть выше законов евангельских“. И если из истории XVII века мы знаем случаи церковной оппозиции самодержавию, то в XVIII в. церковь твердо усвоила и других учила, что повиноваться монарху следует безусловно, а исправлять „злонравие и нестроение“ царя можно только послушанием. Беспрекословно санкционируя все распоряжения светской власти, церковь сделалась послушным орудием крепостнической политики, а православие господствующей религией. Взаимная выгода от такого союза была еще давно откровенно сформулирована следующим изречением: „церковь есть освящение и укрепление императорской власти, а императорская власть есть сила и твердыня священства“.¹

Непризнание „божественности“ самодержавия считалось государственным преступлением. „Помышляющим, яко православные государи возводятся на престолы не по особливому на них божьему благоволению, и при помазании дарования святого духа в них не изливаются“, — таким вольнодумцам грозила не только „анафема“ — отлучение от церкви, но и более действительные наказания.

В борьбе со свободомыслием и неверием в „божественность“ власти церковь усердно использовала все возможные средства пропаганды. Из этих средств наряду с бесконечными молитвами, поучениями и многочисленной популярной литературой особенного внимания заслуживают иконы с изображениями царей в непосредственном соседстве со святыми и даже членами „высочайшей“ небесной фамилии. Небольшая коллекция, собранная в церкви петергофского дворца, отличается значительным разнообразием и охватывает двухсотлетний период. То это Петр I ря-

¹ См. щит № 3.

дом с Георгием „победоносцем“, то он же с семейством и со свитой на иконе „покрова“, то Екатерина II в образе великомученицы и в окружении святых. На последней иконе помещены восхваляющие ее вирши:

„Мужей святых лице сей образ представляет:
Но святость их в тебе, монархиня! сияет.
Вся церковь за сие творца благодарит,
Что благочестие тобою он хранит.
Когда свой солнце луч в струи воды бросает,
Подобный образ в них оно тогда рождает!
Преобразуемся и мы, осияваясь днем,
Который день возжег творец в лице твоём“.

То же продолжалось и в XIX столетии. Члены семьи Николая неоднократно изображались в виде ангелов, Александр III представлен в фамильярной беседе с христом, и даже Николай II с женой и наследником изображен под непосредственной охраной небесных сил. Уместно вспомнить, что несмотря на окружение всех монархов ореолом „божественности“ и провозглашение их неприкосновенности и несменяемости, церковь без всяких колебаний оправдывала и благословляла не только факты дворцовых переворотов, но и сопровождавшие их зачастую убийства „помазанников“ (Петра III, Павла I).

Церковь и милитаризм

Являясь идеологической крепостью самодержавия, церковь верно служила интересам захватнической политики царского правительства и приспособлялась к потребностям милитаристической пропаганды. На объявление войны церковь откликнулась изданием специальных молитв и листовок, пропитанных духом военщины, призывающих „братьев воинов положить души своя за святыни Руси православной“. Для

назидания солдат пояснялось, что „собираясь в бой“ следует предварительно исповедаться и приготовить себя к бесстрашной смерти, а перед боем перекреститься и броситься вперед на врага: „разве не великое счастье отдать жизнь за веру, за царя, за родную землю!“ При объявлении войны духовенство принимало энергичное участие в организации патриотических манифестаций, в своих проповедях тщательно скрывало истинные цели войны и весь свой служебный аппарат в армии переводило на „военное положение“.¹

Поддержка милитаризма не ограничивалась только пропагандой. При Петре I церковь предоставляла правительству колокола для переливки на пушки. В 1812 году Троице-Сергиевская лавра дала на военные нужды 5 пуд. серебра и более 70000 рублей. Во время империалистической войны церковь отчисляла на „военные нужды“ проценты от своих доходов и предоставляла в распоряжение царского правительства свои золотые запасы. По официальному отчету синода видно, что одними деньгами за первый год войны поступило от церкви 1 044 355 руб., а в 1916 году некоторые монастыри обратились к правительству с предложением изготовлять снаряды и прочее снаряжение. К числу этого „снаряжения“ нужно отнести то несметное количество чудотворных икон, образков и ладанок, которые целыми транспортами отправлялись на фронт в качестве „подкрепления“.

За верную службу духовенство получало многочисленные награды, чины, ордена и знаки отличия. За годы империалистической войны деятельность военного духовенства была отмечена выдачей 955 штук крестов на георгиевской ленте.

¹ См. цит № 4.

Борьба церкви с революционным движением

Революционное движение, нанося удары самодержавию, тем самым угрожало шкурным интересам и православия. Крестьянские волнения в XVIII и XIX вв., революция 1905 года потрясли существовавший строй и вызывали со стороны церкви бешеную контр-революционную деятельность. Еще в 1722 г. согласно указа синода духовенство под присягой обязывалось „к высокому его императорского величества самодержавству, силе и власти принадлежавшие права, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять, и защищать“. Вместе с тем исполняя роль духовной полиции, духовенство по инструкции 1721 г. обязывалось доносить о „всяком злом умысле против персоны его величества или измене, о возмущении или бунте“. В круг обязанностей духовенства входили: „доносительство“, „фискальство“, перлюстрация писем, и „другие тайные свидетельства“, словом различные обязанности по охране и упрочению государственного строя.

Обращение синода от 31 апреля 1774 г. о проклятии „злодею и антихристу“ Пугачеву, всенародные молебствия на защиту от „супостатов и разбойников“ (по поводу французской революции) свидетельствуют о том, насколько в XVIII в. самодержавие и церковь были крепко спаяны между собой. Но особенно ярко проявила себя церковь, как крепко сплоченная контр-революционная орга-

низация, во время революции 1905 года, когда все силы церкви были брошены на борьбу с рабочими и крестьянами. Церковные организации приняли участие в распространении „бесплатно для народа“ лживых брошюр, листовок и слухов, и специальных воззваний и молитв для „всенародного прочтения“ по всем церквам „о ниспослании меча и гибели на возмутителей и разбойников, разоряющих государство российское“. ¹

Поддерживая политику самодержавия, проводившего в жизнь систему угнетения национальных меньшинств, православная церковь старательно заботилась о раздувании национальной розни и религиозной нетерпимости. „Пускай антисемитизм“ говорилось в одном из церковных воззваний „будет у нас церковно-государственным догматом, стражем священной царской особы и делом благочестия“,

Октябрь и церковь

Крепкие нити, связывавшие церковь с российским самодержавием, не помешали ей легко примириться с буржуазной февральской революцией и жить в недолгом, но полном единении с Временным правительством капиталистов. Произошло это потому, что „все эксплуататорские классы нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа“ (Ленин). А пример западно-европейской буржуазии, не отказавшейся от услуг церкви и щедро их

¹ См. щит № 5.

оплачивавшей, окрылил и российскую поповщину надеждами на дальнейшее благополучное существование.

Так оно и было бы в действительности, если бы пролетарская революция не опрокинула господства буржуазии и не сломала весь ее государственный аппарат. Одним из первых мероприятий Советской власти было отделение церкви от государства, лишение церкви эксплуататорских привилегий и объявление религии частным делом каждого гражданина. Это вместе с национализацией монастырских и церковных земель сразу лишило церковь не только огромной основной части доходов, но и отрезало ее прежние пути воздействия на массы. Вот почему синод в послании от 13 июня 1917 г. призывал верующих к решительной борьбе с большевиками.

В эпоху гражданской войны церковь принимала иногда явное, иногда скрытое участие в классовой борьбе на стороне наших врагов. В 1921 г. на призыв Советской власти помочь населению, разоренному гражданской войной и голодавшему от неурожая, церковь ответила бешеным протестом и контрреволюционной агитацией. Активность церкви возрастает по мере роста в стране социализма. Советский город в главной массе своего населения уже настолько политически и культурно вырос, что поповское поле деятельности оказалось здесь до крайности суженным. Отсюда отчаянное цепляние церкви за советскую деревню и сопротивление в союзе с кулаком переустройству деревни на социали-

стических началах. Прошлогодний процесс контр-революционного „Союза освобождения Украины“ дал поразительные примеры использования церкви белогвардейщиной, охотно менявшей офицерские мундиры на поповские рясы. А характер церкви, как международной реакционной силы, лишний раз сказался в злобной и лицемерной кампании, поднятой против Советского Союза западно-европейскими церковными организациями во главе с Ватиканским прихвостнем капиталистов — папой Римским. ¹

Но дни и часы поповщины сочтены в Советском Союзе. Закрытие населением церквей с передачей их под культурное использование и отказы трудящихся от содержания попов, — все это верный залог того, что неуклонный культурный рост масс опрокинет последние позиции религии и навсегда избавит трудящихся Союза и всего мира от этого духовного гнета.

Антирелигиозный фронт — один из боевых участков пролетарского культурного фронта. Церковь является заклятым врагом социалистического строительства и оружием еще невыбитым из рук внутренней и зарубежной контр-революции. Церковники всех наций и мастей в борьбе против растущего социализма изобретают самые разнообразные методы воздействия на массы, реконструируют свой аппарат и агитационные средства. Это свидетельствует о большой живучести и изворотливости наших классовых врагов. Вот почему следует с неослабевающей энергией и настойчивостью разворачивать и углублять антирелигиозную работу.

¹ См. щит № 6.

Из многочисленных дворцов XVIII века сохранились два — Большой в Петергофе и „Екатерининский“ в Детском Селе. Они представляют незаменимый материал для наглядного и поэтому особенно плодотворного изучения дворянской России XVIII века. История дворцового строительства и быта связана многочисленными и неразрывными нитями с историей самодержавия, отразившей судьбы не только господствовавшего класса, но и угнетавшихся им народных масс.

Однако, знакомство с музеями Петергофа не может ограничиваться Большим дворцом. Последующая судьба царизма отложилась на дворцах „Александрии“ охватывающих XIX и XX вв. (Коттедж, Фермерская дача и Нижний дворец). Музеи „Александрии“ имеют наряду с бытовым историко-революционное значение: они переносят нас в эпоху все расширявшегося революционного движения и подводят вплотную к крушению царской России и к рабоче-крестьянской революции 1917 года (выставка при вагонах бывшего царского поезда „Империалистическая война и падение самодержавия“).

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Календарь пребывания в Петергофе Петра I, Елизаветы и Екатерины II.

[Составлен на основании путевых „журналов“ Петра I и дворцовых, так называемых, камер-фурьерских журналов, хранящихся в Ленинградском Центральном Историческом Архиве. Эти журналы велись специальными лакеями (камер-фурьерами) и содержат ежедневные протокольные записи о событиях при царском дворе. Последняя запись 9 марта 1917 года].

Петр I		Елизавета		Екатерина II			
Годы	Количество дней	Годы	Количество дней	Годы	Количество дней	Годы	Количество дней
1710	7	1743	41	1763 ¹	20	1777	42
1712	6	1745	41	1764	1	1778	32
1713	6	1746	37	1765	4	1779	31
1714	15	1748	36	1766	18	1780	30
1715	29	1750	33	1768	57	1781	14
1717	2	1751	50	1769	56	1782	11
1718	9	1752	59	1770	32	1783	4
1719	17	1754	37	1771	9	1785	12
1720	25	1755	17	1772	45	1786	12
1721	34	1756	20	1773	37	1796	3
1723	11	1757	33	1774	47	1791	7
1724	10	1758	80	1776	30	1794	1
		1759	90				
		1760	83				
		1761	68				
Всего за 15 лет 171 день		Всего за 19 лет 725 дней		Всего за 32 года 555 дней			

¹ Журнал за 1762 год был уничтожен по распоряжению Екатерины II.

Контрольные вопросы

1. Зачем был основан Петергоф и почему он назывался „русским Версалем“?
2. Почему над созданием Петергофа работали художники - иностранцы?
3. Чьими руками был построен Петергоф и как дворяне называли тогда трудящихся?
4. Свидетельствует ли пышность дворцов XVIII века о народном благосостоянии?
5. Каково было значение парадных дворцов и происходивших в них церемоний и празднеств?
6. Какое значение имели русско-турецкие войны в XVIII веке?
7. Какими путями и почему мода на „китайщину“ была занесена в Россию?
8. Можно ли по изображению человека XVIII века решить к какому сословию он принадлежал?
9. Почему на портретах Елизавета и Екатерина II похожи друг на друга, хотя они и не были родственницами?
10. Каков был социальный состав гвардии в XVIII в. и какую она играла роль?
11. В чем заключался смысл „дворцовых“ переворотов?

12. Какие события угрожали благополучию дворянства к концу XVIII века?

13. Какими средствами православная церковь обслуживала господствовавший класс и что было источником церковных богатств?

14. Какое место занимала церковь в парадном императорском быту?

15. Почему церковь легко примирилась с февральской революцией и стала в резкую оппозицию к Октябрю?

1970 II.

После экскурсии рекомендуется прочесть:

1. Покровский М. Н. „Русская история“, тт. II и III.
2. Фирсов „Пугачевщина“.
3. Захер „Великая французская революция“ изд. „Прибой“.
4. Радищев „Путешествие из Петербурга в Москву“.
5. „Русский быт по воспоминаниям современников“, изд. „Задруга“, ч. I и II.
6. Каменев „Церковь и просвещение в России“.
7. Кандидов „Обожествление дома Романовых“.
8. Архипов „Сады и фонтаны Петергофа“

и осмотреть:

В *Петергофе* — Восточный и „Екатерининский“ корпуса Монплезира и выставки „Дворцовое хозяйство XVIII века“ и „Переворот 1762 года“.

В *Ораниенбауме* — „Китайский“ дворец-музей.

В *Депском Селе* — „Екатерининский“ дворец-музей и антирелигиозную выставку.

В *Ленинграде* —

—	{	Выставки историко-бытового отдела
		Русского музея („Труд и капитал“ и
		„Труд и быт крепостных“) и

Антирелигиозный музей.

Цена 50 к.

52